

МАГИЯ  ФЭНТЕЗИ



Владимир ПЕКАЛЬЧУК
ЖЕСТКО И БЫСТРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Владимир Пекальчук
Жестко и быстро

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Пекальчук В. М.

Жестко и быстро / В. М. Пекальчук — «АЛЬФА-КНИГА»,
2016

Душа старого мастера боевых искусств, погибшего в неравной схватке с медведем, оказывается в параллельном измерении в чужом теле. Это дает ему еще один шанс... и не только ему. Жестко и быстро – отсылка к стилю «Госоку Рю», дословно – «жесткий быстрый стиль». А его создатель, мастер Такаюки Кубота, в высшей мере неординарный человек, послужил прототипом главного героя.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пекальчук В. М., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	45
-----------------------------------	----

Владимир Пекальчук

Жестко и быстро

Эта книга посвящается людям, которые доказали и продолжают доказывать: человеческим возможностям предела нет

Я знал, что мне не выйти живым из этого боя: противник слишком силен и велик, а я уже слишком стар. Лет сорок – пятьдесят назад я еще имел бы какие-то шансы на победу, но уж точно не на девятом десятке.

Картины моей жизни проносятся перед глазами, пока враг пытается прийти в себя после того, чем я его угостил: он не привык получать отпор, особенно от безоружных людей, так что его шок, боль и страх мне почти понятны. Почти – потому что сам я не боюсь. Если я когда-то и знал, что такое страх за себя, – то давно забыл, когда это было, в старческой забывчивости есть свои плюсы.

Мое детство пришлось на тяжелые военные годы, и потому ничего удивительного, что все, чему меня обучал отец – убийство врагов. Вообще-то тренировки начались в четырехлетнем возрасте, но призрак войны витал над моей родиной уже тогда. К тому же отец совершенно правильно полагал, что боевые искусства – путь к самосовершенствованию, и позаботился, чтобы я и все пятеро моих братьев изучили хотя бы один стиль. Было жестко и туго, в день приходилось делать по пятьсот ударов руками и ногами – в четыре-то года, восклицали те, кому я рассказывал о своем детстве. Это действительно выматывало, но таков фундамент, на котором выстроилась вся моя жизнь.

А врагов убивать мне так и не пришлось. Напротив, я каждый день носил еду летчикам упавшего возле города самолета, которых отец разместил на своей маленькой фабрике: у полиции не было помещения для пленных американцев, вот они и обратились к отцу. Американцы в общем-то оказались вовсе не такими чудовищами, какими их рисовало мое воображение. Отец обращался с ними так хорошо и великодушно, как мог, хотя многие жители, обозленные бомбежками, требовали пыток или даже казни. Для меня же общение с пленными стало полезным опытом, я впервые сумел взглянуть на привычные вещи с точки зрения человека из совершенно иной культуры.

А вот следующая картина. Горы, мы с друзьями охотимся на кабанов, все, что у нас есть, – наши кулаки и заостренные палки. Когда я рассказываю об этом, больше всего удивляются те, кому приходилось охотиться на кабана с ружьем или крупнокалиберным пистолетом. Мол, с палками – да на кабана?! Просто ружей у нас не было, а кушать хотелось. Война, голодно, такие дела.

Как правило, люди, привыкшие к оружию, не мыслят, как можно без него обойтись. Свои собственные руки они не воспринимают как оружие. В чем-то они правы: чтобы кулак стал равен мечу или молоту, надо приложить очень много усилий.

В двенадцать лет я, желая проверить свою мощь, устроился на скотобойню. Свиней, многие из которых были под двести кило, там убивали деревянным молотом, но я убивал их кулаком. Одним ударом любой руки. Все удивлялись, как я, двенадцатилетний мальчик, метр в сандалиях, так могу. Они не знали, что в четыре я начинал с пятисот ударов в день.

Медведь поднимается на задние лапы, возвышаясь надо мною почти вдвое, жить остается всего ничего, и картины моей жизни начинают проноситься перед глазами быстрее.

В тринадцать я приехал в Токио. Послевоенный город встретил меня беспорядками и нищетой. Приходилось туго, у меня не было ни жилья, ни денег. Спал на вокзалах и в храмах, приходилось заглядывать и в мусорники. Не скажу, что этот год мне вспоминать приятно, но лишения закалили мой характер так же сильно, как тренировки – тело.

Затем произошла судьбоносная встреча. Я стоял в очереди за бесплатной едой, случилась ссора. У подоспевших полицейских возникло затруднение с буйном, и я им помог. Конечно же им было крайне удивительно получить помощь от тринадцатилетнего паренька, который смог то, чего не смогли они. Так я встретился с человеком, который принял немалое участие в моей судьбе. Я некоторое время жил у него, в благодарность за кров и еду давая ему уроки тайхо-дзюцу. Инспектор же помог мне закончить обучение и устроил работать преподавателем в полицию.

Да, я стал знаменитостью уже тогда. В четырнадцать лет я обучал профессиональных полицейских и, глядя на это со стороны, теперь понимаю: да, это было необычно и удивительно для любого, кто не знал, что в четыре года я делал в день по пятьсот ударов руками и ногами. А тогда мне все казалось нормальным, ведь я мог и умел то, чего не могли полицейские.

Мой стиль, жесткий, но эффективный, показался им идеальным для послевоенного Токио, где банды якудза нередко превосходили полицию по части боевой подготовки. Чтобы проверить и доказать эффективность моей методики, я вовлекался в операции полиции. Одно из самых ярких воспоминаний – как меня во время беспорядков высадили в самой гуще событий, а час спустя за обезвреженными бунтарями приехало шесть грузовиков. Неудивительно, что вскоре я заработал себе прозвище «подразделение подавления беспорядков из одного человека».

И пошло-поехало. В семнадцать я открыл свое додзё и обучал полицейских самообороне. В девятнадцать – основал «Общественную ассоциацию карате». В двадцать один я уже преподавал в Америке, а затем и по всему миру, включая Интерпол. Мой стиль, быстрый, жесткий и эффективный, принимали все. Люди, не обученные владеть своим телом как мощнейшим оружием, искренне поразились, когда я, при росте едва ли полтора метра и весе шестьдесят шесть кило, на показательном выступлении сломал руку американскому копу, который был на тридцать сантиметров выше и весил девяносто пять. Многие так и не поверили, что это была досадная случайность. Что я не нарочно это сделал, а просто немножко перестарался, слегка переоценив рост и вес противника.

Дальше моя жизнь пошла по закономерному пути. Признание, ученики, додзё во многих странах мира, собственный стиль, лишенный украшательства, совершенно неэффективный, но эффективный. Я получил десятый дан, который в большинстве случаев присуждается посмертно. Мне присвоили звание «Живая легенда». Заслужил ли я? Не мне судить, ведь не я себя так назвал. Всю мою жизнь, довольно долгую, я посвятил тому, чтобы научить людей защищать себя в любых ситуациях и не имея никакого оружия. Я учил их, как стать лучше. Учил быть воинами телом и душой.

И вот пришел мой последний экзамен. Экзамен не учителя – но воина.

Так уж вышло, что на горной дороге моя машина сломалась, а мобильный телефон – не привык я к этой новомодной штуке – разрядился. Меня подвезла молодая семья – муж, жена и двое мелких малышей. Правда, у них тоже с техникой не заладилось: машина заглохла на узкой горной дороге десятью километрами дальше.

Мы оказались не в том месте не в то время, потому что и медведь тоже забыл что-то на этой дороге. Что – не знаю, он не сказал, а я не спрашивал.

Выйти из машины, когда рядом беснуется придурковатый зверь? Глупо, правда? Будь я в машине один – конечно же я бы не вышел. Это в молодости я однажды дрался со стокилограммовым медведем и убил его одним ударом в голову, сейчас мне уже за восемьдесят, и этот медведь куда крупнее того.

Однако объяснить орущим от ужаса малышам, что медведь не доберется до них в машине, не удалось ни мне, ни бледным от страха родителям. Чем это кончится для них?

Ничем хорошим, детские травмы – самые тяжелые. Это, разумеется, если медведю не удастся забраться в машину и они выживут.

И тогда я принял решение. Я не только учитель, я воин в первую очередь. А быть воином – значит жить, когда нужно жить, и умереть, когда нужно умереть.

Нет, я никогда не горел желанием пожертвовать своей жизнью. Разве что задумывался об этом в детстве, когда видел пролетающие над головой вражеские бомбардировщики. Смерть, которой умирали камикадзе – самая доблестная из всех смертей на свете, но я думал об этом исключительно отвлеченно, так как ясно понимал, что в камикадзе меня не возьмут. Не потому, что десятилетний пацан не справится с управлением, – просто желающих записаться в тейсинтай всегда было втрое больше наличествующих самолетов. И даже прими меня кто каким-то чудом – я должен был бы подложить себе на сиденье истребителя что-то, чтобы нормально смотреть из кабины, и в этом случае не достал бы ногами до педалей. Так что ни малейшего шанса стать камикадзе я тогда не имел.

Но теперь я могу стать им. Нет, мысль о героической смерти меня не особо радует, но я должен исполнить свой долг. Я должен отдать свою жизнь, чтобы жили те, которые только начали жить.

Я потянул за ручку и открыл дверцу. Медведь бросился ко мне в обход машины, разъяренный и нетерпеливый, и тут я удивил его в первый раз. Силы, конечно, уже не те, но мастерство я шлифовал всю жизнь. Сейчас я, наверное, уже не смог бы убить свинью одним ударом, но медведя он, мой бесхитростный сэйкэн-цуки, пронял, это я понял по его реву.

Шаг в сторону, мягкий разворот и снова в сторону. Зверь полон ярости и желания со мной расквитаться, но теперь он уже не так слепо напорист. От его ударов лапой я ухожу, разрывая дистанцию, и увожу его все дальше от машины. Медведь теряет осторожность, подставляется – и я атакую. Быстро и жестко, без изыщества, но эффективно. Удар – и в сторону. Его рев – наилучшая оценка моим ударам. Сломал ли я медведя что-то? Не знаю, не те уже мои удары, не те... Но он идет за мной, прочь от машины – это главное.

Мое сердце пытается выскочить из груди, колотясь, словно птица в клетке, из последних сил. Перед глазами картины моей жизни и круги... Я на свое сердце не в обиде – оно верой и правдой служило мне больше восьмидесяти лет. Медведь словно чувствует, как я стремительно слабею, начинает наглеть, а мои ноги уже налились свинцом. Я все еще заставляю его уважать мою силу, но время на исходе, ноги не желают отрываться от асфальта.

Теперь я просто добыча – так он думает.

Он ошибается. И пока еще не знает, чего будет стоить ему эта ошибка.

И вот медведь поднялся в полный рост, почти три метра злобы и силы. Пытается запугать, но... я его не боюсь. Я ничего не боюсь, ведь моя жизнь, долгая и насыщенная, уже и так позади. Как и его.

Я не знаю, почему медведи так любят подниматься в полный рост на задних лапах. Наверное, чтобы выглядеть больше и сильнее... На меня это не действует, я давным-давно доказал, что можно убивать медведей и свиней одним ударом кулака даже при росте полтора метра.

Да, я уже стар, но кое-что у меня еще есть в запасе. Я атакую исполина быстро и жестко. Так я жил, так я дрался, так я учил жить и сражаться моих учеников, так я и умру.

Все силы – в один рывок. Вся воля – в одно движение, в один удар. Да, медведь смотрит на меня свысока, как на букашку, которую вот-вот раздавит.

Но он не учел, что, выиграв в росте, сильно проиграл в устойчивости.

И забыл, что стоит на самом краю.

Я налетаю на него, впечатывая кулак в брюхо, жестко и быстро, а затем по инерции налегаю плечом. Я не вижу, как опускаются на мою спину и голову его когтистые лапы: медведь переваливается через ограждение, и я вместе с ним.

Нас ждет короткий путь вниз, на камни у подножия скалы. Полный ужаса для него и умиротворения – для меня. Я прожил свою жизнь правильно, и смерть моя достойна воина. Падая вниз, успеваю улыбнуться – жестко и быстро.

* * *

Очень жарко, словно в духовке. Жарко и хочется пить. Где я?

Открываю глаза. Песок и камни. Сколько хватает глаз – вокруг в зыбком мареве только песок и камни, и чуть поодаль – скалы. И солнце над головой, яркое, жгучее.

Нет, серьезно, почему я здесь? И вообще, «здесь» – это где?

Пытаюсь встать, но тело не слушается. Дрожь, предательская дрожь в конечностях, язык распух, едва ворочается в пересохшем рту. Поднимаюсь, вначале на колени, упираясь руками в горячий песок, затем с трудом ставлю ногу, руки – на колено. Усилие – и я стою в полный рост, шатаюсь от слабости.

Оглядываюсь вокруг. Песок, камни, валуны. Над головой солнце, яркое, горячее. Что это за место? Закрываю на миг глаза. Медведь, удар, полет, приближающиеся камни. Я помню все четко и ясно, но это не дает ответа на простой вопрос: где я? Горный массив, прижавшаяся к отвесной скале на большой высоте узкая дорога, заглохшая машина на этой дороге – куда они подевались? Я еще помню, как в момент падения глаз выхватил внизу камни и деревья – но тут деревьев нет. Вообще. Ни одного.

Делаю шаг, потом второй. В какую сторону идти? Да мне без разницы, потому что я не знаю, ни где я, ни почему я тут. Для меня все стороны равны. Хотя нет, не равны. Не совсем. Вон впереди скала, высокая, выцветшая на солнцепеке. Мне туда. Не знаю почему, но уверен, что надо туда. Хотя все логично: вокруг ведь больше нет ничего, только эта скала – и до самого горизонта лишь песок, камни и валуны.

Шаг, еще шаг. Песок, который так обжигал руки и колени, щадит мои ступни. Опускаю глаза – сандалии. Простые сандалии из кожи и ремешков. Надо думать, не «Адидас» и не «Пума», скорее кустарщина, хотя на вид довольно неплохи, даром что поизносились малость. Ну да, ручная работа.

Перед глазами круги, но я иду вперед. К скале. Может быть, там хотя бы тень найду, ибо солнце словно взбесилось. А в голове все крутятся вопросы: где я? Как сюда попал? И... кто я? Я... я помню, все помню. Пятьсот ударов в день, охота на кабана с палками, скотобойня, Токио, полицейские, мое додзё, мои дети, внуки... Горная дорога, плачущие малыши, медведь, удар, толчок, полет... Это не может быть сном или горячечным бредом, не бывает снов длиною в жизнь.

Впрочем... да, все на своих местах. Я упал вниз, на камни, но не умер мгновенно, и все, что сейчас вокруг меня, – всего лишь предсмертная галлюцинация. Жарко и хочется пить – потому что я истекаю кровью, а раненым всегда хочется пить. И весь этот фантазматический пейзаж – просто образы, которые перематывает мой умирающий мозг. Хотя... если верить ученым, предсмертные видения – неуправляемая агония мозга, люди, пережившие клиническую смерть, рассказывали, что все происходило независимо от них и даже над откровенно бредовыми образами они не задумывались, так как возможности осознанно думать у них не было. А я – думаю. Я критически осмысливаю происходящее, я контролирую и направляю свои мысли. Мыслю – следовательно, существую.

Только мое осознанное мышление по-прежнему отказывается дать ответ на простой вопрос: где я?

Вот и скала. Я без сил падаю с той стороны, где на песке – узкая полоска тени. Здесь не так ужасно, но все равно мучительно жарко, все тело горит от солнечных ожогов. Есть

объяснение, которое дает ответы на все вопросы, кроме одного, – я в аду. Но если так – то за что? Чем я заслужил это?

Проматываю в голове картины из прошлой жизни. Вот я охочусь на кабана – просто я хочу есть. Скотобойня... Я пошел туда не только чтоб заработать, но и чтобы проверить свою силу. Но свиней убили бы так и так, и не всегда деревянный молот дарил им мгновенную смерть, а я неизменно убивал их с первой попытки. Вот я путешествую в горах, дерусь с медведем и получаю от него шрам на всю жизнь, но не я напал на него. Моя работа в Токио? Я никогда в жизни не нарушил святой принцип карате – не применять свою силу против другого человека иначе чем для защиты себя и других. Я никогда не проявлял жестокости. Жесткость – да, ровно столько, сколько было нужно, но никогда ни с кем не поступил излишне жестоко. Весь мой путь был примером того, чему я учил своих учеников. Я никогда не отнял человеческую жизнь хотя мне пару раз выпадали и возможности, и достаточные моральные причины для этого, и юридические основания, – но я ни разу не нанес смертельного удара другому человеку.

Так за что я здесь? Не брал чужого, уважал и чтил kami¹, поклонялся духам павших в храме Ясукуни, всю свою жизнь жил как воин и умер как воин, защищая других. Разве не заслужил я места в храме Ясукуни? Или хотя бы просто тихого местечка среди других kami?

Никто не ответил мне. Что ж, я снова, как тогда в Токио, один-одинешенек во враждебном окружении, мне не привыкать. Правда, там это были разъяренные бунтовщики, с которыми я мог справиться. Здесь это солнце и жара – противники, для кулака неуязвимые и недостижимые.

Ладно, надо встать и идти дальше. Даже если я мертв и смерть мне уже не грозит – валяться на этой жаре бесконечность не вариант. Надо что-то делать, я пока не знаю, что именно, но не собираюсь сдаваться.

Я никогда не сдавался при жизни, не сдамся и после смерти.

С трудом поднимаюсь и иду вдоль скалы, стараясь держаться в тени. В голове шум, ноги слушаются с трудом, но я иду. У меня выбора-то нет, надо идти. Если повезет – найду место, где смогу забраться повыше и осмотреться.

Но прямо за небольшим выступом меня ждал сюрприз: в скале зияла чернота пещеры. Проем – три метра в высоту, четыре в ширину. Прямо подарок, внутри наверняка будет не только полная тень, но, должно быть, и чуточку прохлады. Все относительно, конечно, плюс сорок – это пекло страшное, но, когда находишься на солнцепеке в пятьдесят, – сорок по Цельсию все равно что райский уголок.

Внутри действительно чуть прохладнее, и радости моей пределов нет. Передышка, хвала местному kami. Избавление от жуткой жары – сказочное облегчение, даже несмотря на то, что жажда терзает похлеще медведя.

Сажусь у стены, она кажется прохладной, но попытка прислониться вызывает неприятную боль: кожа спины обожжена беспощадным солнцем. Прислоняюсь все равно: надо дать отдых уставшим мышцам тела, а боль... Для того, кто закалял свое тело ударами бейсбольной биты, это пустяк.

Закрываю глаза, измученные слепящим светом, после яркой пустыни в пещере темнее, чем ночью безлунной. Измотан так, что вставать и куда-то дальше идти не хочется, но придется, если только я не собираюсь просидеть здесь, страдая от жажды, до конца времен. Буддистам и христианам в этом плане получше, первые верят в последний приход Будды, вторые – в Армагеддон. А я синтоист, да и то не особо рьяный, так что не уверен, наступит ли конец времен вообще. Перспектива нерадужная.

¹ Японское божество, дух. – Здесь и далее примеч. автора.

Постепенно шум в ушах идет на убыль, сердце успокаивается, к жажде я постепенно начинаю привыкать, как и к боли в обожженных, израненных конечностях и спине. Обостряются другие чувства – и вот мои ноздри начинают чувствовать нечто знакомое. Запахи детства. Ничего приятного, просто запах разложения плоти, очень слабый. Он знаком мне по военным годам и скотобойне, не спутаю. Где-то есть что-то гниющее, но запах едва заметен, либо источник далеко, либо очень старый и потому слабо пахнет.

Хм... А ведь признак нехороший. Пещера, запах разлагающейся плоти... неужели логово зверя? Я без понятия, какая тварь может обитать в этом раскаленном аду, но... Правда, есть и второй вариант: где-то поблизости труп другого путника, который нашел здесь укрытие и скончался. И в обоих вариантах для меня содержится важная догадка: запах разложения – это и есть запах смерти. Однако в аду, где все уже и так мертвы, смерти нет. Я не знаток по загробным мирам, но... Логика, чтоб ее.

Открываю глаза и вглядываюсь во мрак. Глаза немного отвыкли от яркого света и потому начинают что-то видеть. Точнее – очень слабый свет, исходящий от сталактитов. Раньше я не различал его, так как для зрения, приспособившегося к ослепительному дню, свечение сталактитов больно уж слабое.

Однако одно я вижу точно: пещера есть лишь начало хода вглубь скалы. Исследовать? А почему бы и нет, альтернатива все равно только одна – наружу, в пылающий ад... Кстати!!! Ведь сталактиты образованы благодаря стекающим каплям влаги, а это значит, что их можно полизать. Здесь, у самого входа, они высоко и короткие, влаги тут мало, воздух сух. Но в глубине, может быть, я смогу найти влагу или даже ручеек. Знаю, что размышлялся, но... а вдруг?!

Поднимаюсь с трудом, но с удивлением отмечаю, что за этот непродолжительный отдых сумел немного восстановиться. Будь мне лет тринадцать, я бы не удивился, но для восьмидесяти это как-то слишком... С другой стороны, в экстремальных ситуациях человек способен на многое из того, что в обычных условиях кажется запредельным, и если бортмеханик русского полярного летчика, вспрыгнувший на высокое крыло самолета при встрече с белым медведем, еще не очень удивляет, то старушка, встретившаяся с бурым и забравшаяся на двадцатиметровую сосну, – это уже что-то чуть более поразительное. А я, если вдуматься, в такой же передрыге, что и та бабулька.

Медленно и осторожно иду вглубь. Видно плохо, но, чем дальше в пещеру, тем длиннее сталактиты, и тем светлее. Ход часто поворачивает туда-сюда, вот появляются и сталагмиты, пока маленькие, но тоже светящиеся. Становится еще светлее, читать бы не получилось, но видно в этом полумраке уже вполне сносно. Пробую пальцем сталагмит – сухой, а до сталактита пока не достать. Надо идти дальше.

Поворачиваю за очередной изгиб прохода, здесь тоннель расширяется, образуя некое подобие зала, совсем небольшого. Ничего примечательного на первый взгляд нет, но в углу у стены я замечаю темную массу. Подойдя ближе, я понял, что передо мною – источник запаха.

На полу лежал человеческий труп, и если б не свечение сталагмитов, я бы его не нашел.

Подхожу ближе и осматриваю. Лежит давно, потому что запах слабый, это заметно и по состоянию тела, оно иссушено и чуть ли не мумифицировано. Покойник – мужчина высокого, по сравнению со мной, роста, я не могу рассмотреть, во что он одет, но вижу, что на его груди – нечто похожее на бронежилет, точнее – на кирасу, но не металлическую. Керамика? Кевлар? Я не особый знаток в материалах для бронежилетов. Причина смерти не ясна, но рот широко раскрыт, глаза впали, но на месте.

Мне становится жутко. Нет, дело не в самом мертвце – в глазах. Труп с выклеванными глазами – да, приходилось видеть еще в детстве, так что этим меня не удивить и не пронять – сущая ерунда по сравнению с мумифицированным трупом, у которого сохранились глаза.

Я как-то смотрел по телевизору передачу об итальянских катакомбах, где монахи какого-то ордена сохраняли трупы умерших, взрослых и детей, сортируя отдельно чиновников, адвокатов, военных и так далее. Нет, я не боюсь взгляда пустых глазниц, но вот высохшие, мумифицированные глаза – в них есть что-то очень жуткое.

И вот такое я сейчас наблюдаю. Правда, лицо покойника обращено к потолку и потому мне не кажется, что он смотрит прямо на меня, но... Жутковато.

Делаю вдох-выдох. Труп трупом, а мне надо что-то делать дальше. Продолжаю осмотр и внезапно замечаю округлый предмет у пояса мертвеца... Фляга?!!

Да, фляга. Берусь за нее, начинаю тянуть – и ощущаю, как внутри переливается жидкость. Хвала всем восьми мириадам kami и лично Амаэрасу, она не пустая! Начинаю дергать с безумным остервенением, откуда и силы взялись. Рывок, что-то трещит, и вот металлическая фляга с болтающимся ремешком у меня в руке. Отвинтить пробку оказалось нелегко, плотно закручена, должно быть, оттого и сохранила внутри влагу. В глубине сознания мелькает мысль, что вода внутри может быть либо затхлой, либо вообще непригодной для питья, но мне уже все равно, я сейчас не то что бензин – сырую нефть хлебнул бы.

Жидкость обжигает горло и бьет в нос запахом спирта. Вода, притом нормальная. В нее добавлено небольшое количество спирта – именно поэтому она не стала затхлой, пролежав тут кто знает сколько.

Я выпиваю все и, запрокинув голову, стряхиваю в рот последние капли. Показалось очень мало, но я сделал вроде бы десять или одиннадцать больших глотков. То есть стакана два-три. А это в моем положении уже что-то. Сглатываю, отправляя в утробу последние капельки, прислушиваюсь к ощущениям. Вроде бы и горло уже не деревянное, и распухший язык как-то ожил. Ну ничего, еще чуть поживу, значит... Поживу. Интересный оксюморон в устах того, кто свалился в пропасть с медведем в обнимку, хех.

Посидев немного на полу с пустой флягой в руке, я почувствовал, что мне уже значительно лучше, даже не столько в физическом плане, сколько в психологическом. Я, конечно, по-прежнему в полной заднице, сижу в пещере посреди раскаленной пустыни, истощенный и обожженный солнцем, без запасов воды и еды. К тому же желудок проснулся и напомнил, что я также безумно голоден – так это скорее добрый знак... пока. Самую главную проблему, которая могла бы убить меня очень быстро – жажду, – я уже сбросил со счетов. Воды, правда, нет, и вскоре жажда вернется, но несколько часов я выиграл и сейчас чувствую себя довольно уверенно. Надо как-то решать остальные проблемы, и теперь они не кажутся мне такими уж неразрешимыми, возможно, тут и некоторая заслуга алкоголя: он притупляет чувство страха.

Осматриваю труп: мне сейчас не до гадливости. На нем помимо чего-то, похожего на бронежилет, штаны характерного военного образца и легкие, военного же типа ботинки. Я осмотрел свою одежду – раньше мне было не до этого – и пришел к неутешительному выводу, что для прогулок по пустыне я как-то больно уж слабо экипирован. Короткие штаны, сандалии, легкая футболка, на голове... ничего, только густая копна длинных волос. Однако я не очень удивился, как сумел не схватить тепловой удар, гораздо больше меня заинтересовали волосы. Я всю жизнь коротко стригся или брился налысо, откуда настолько длинные волосы? Сроду не носил таких, это ж надо несколько месяцев их не стричь, чтобы такие отросли... Сразу же вопрос: где я был все эти месяцы между падением в пропасть и этим моментом?

Выбрасываю любопытство из головы: здесь мне ответов не найти. Вот выберусь куда-то, сам не знаю куда, – может, что и прояснится.

Шарю по карманам покойника – ничего. Остается его одежда и обувь. Ботинки мне великоваты будут, бедолага – метр семьдесят, а я – едва полтора, но все равно лучше чем сандалии, в которых скрипит песок. Стаскиваю их с мертвеца – вонь изнутри страшная, но я

чего-то такого и ожидал. Правда, все оказалось не так уж и плохо: в этом аду труп не сгнил, а высох, так что, кроме запаха, проблем возникнуть не должно.

Штаны я рассматривать не стал в принципе: после смерти у человека расслабляются сфинктеры, со всеми вытекающими последствиями. Причем вытекающими в самом буквальном смысле слова.

При попытке снять с покойника рубашку-бронезилет я обнаружил причину смерти: бедолага, видимо, пытился, споткнулся – и упал затылком на невысокий сталагмитик. Смерть на месте.

Тем не менее я снял с него нагрудник – он оказался каким-то ну очень уж легким, как для бронезилета, едва ли полкило – и рубашку, которая была под ним. Рубаха, ясное дело, жутко воняла, когда я ее тормошил, как и весь покойник, но на вид продуктами разложения не запачкалась. Само собой, что надевать ее можно будет только после тщательного осмотра при свете солнца.

Еще на шее трупа я обнаружил кожаный ошейник с замочком, который не поддавался раскрыванию. Он показался мне ну очень знакомым, но я никак не мог вспомнить, где его видел. Ладно, пока имеем рубашку и ботинки, уже что-то. Надо вернуться к выходу и хорошенько рассмотреть трофеи.

Подойдя к выходу, где солнце бросало на пол пещеры свои лучи, я, оставаясь в тени, выставил на свет один ботинок и целых несколько секунд пытался понять, что тут не так.

А потом понял. Мои руки – они... они совсем чужие. Это не мои руки!

Длинные, тонкие пальцы, кожа потрескалась и покраснела, но это кожа не старого бойца, а паренька-подростка. И главное – где мои мозоли?! Где мои мозоли на костяшках размером в пятак, которые образовались у меня еще в детстве благодаря нормативу в пятьсот ударов?! Даже если я поверю на миг, что это загробный мир, в котором я помолодел и отрастил волосы, это не мои руки! У меня никогда в жизни не было таких рук! Где мои мозоли, набитые бесчисленными тысячами ударов?!

– Что это за?... – попытался воскликнуть я и осекся.

Голос – он тоже не мой.

Совершенно чужой голос, и дело даже не в том, что горло и язык все еще не оклемались от страшной жажды. Я бы узнал свой мальчишеский голос, а этот, звонкий и какой-то чрезмерно громкий, – он чужой. Такой голос просто не может быть моим.

Я уронил ботинок и выставил на свет эти чужие руки, которые почему-то растут из моих плеч, повертел так и сяк. Ладони в общем-то тоже гладкие, к работе или тренировкам непривычные, у основания большого пальца левой руки маленький шрам, которого у меня никогда не было. Забавная шутка, и мне безумно хочется узнать, кто же этот хренов шутничок. Ведь я, оказывается, на самом деле совсем не я.

Я попытался почесать затылок и внезапно наткнулся рукой на что-то. Кожаный ошейник, вроде бы такой же, как и у трупа. И чем дольше я его ощупывал, тем сильнее он мне не нравился, внутри стремительно нарастало желание поскорее его снять.

Однако попытки расстегнуть замок успеха не принесли, а порвать его, скорее всего, не удастся: под кожаной оболочкой я нащупал твердую цепочку, скорее всего, металлическую. Кто бы ни надел на меня эту хрень, он позаботился, чтобы я не смог от нее избавиться. По мере того как я прислушивался к своим ощущениям, ошейник казался мне все более мерзким и отвратительным. Чтоб ему...

И в этот момент позади меня раздались шаги. Негромкие, они доносились из-за ближайшего поворота.

Я обернулся и увидел очертания человеческой фигуры, появившейся из-за угла, но из-за того, что глаза снова привыкли к яркому свету, не смог сразу рассмотреть.

– Э... Коничива? – сказал я, мысленно посетовав на чужой голос.

А силуэт, пошатываясь и шаркая ногами, сделал еще несколько шагов ко мне и вышел на более освещенный участок прохода.

И тогда я понял, от кого пятился тот несчастный, напоротившийся затылком на сталагмит.

Передо мною стоял мертвец. Точнее, не стоял, медленно, но целеустремленно он пер прямо на меня, не отрывая застывшего взгляда своих иссохших глаз.

Меня пробрала дрожь, когда в кровь выплеснулась дикая порция адреналина. Этого не может быть, я либо брежу в бессознательном состоянии, либо... Ну да, ад. Как минимум ходячего мертвеца это объясняет.

Он шел прямо на меня, отводя назад руку для удара. В его пальцах – рукоять какого-то странного оружия, похожего на дубинку или булаву. Шестопер? Нет, у того ударная часть в виде шестиперьевого стабилизатора минометной мины. Буздыган? Да, это уже ближе к истине... Равно как и само оружие – ко мне.

Решение я принял моментально, благо подходящий опыт у меня был. Как-то я обезвредил шестерых грабителей, вооруженных ножами, используя в качестве оружия собственную обувь. Нагнулся и схватил в руки ботинки покойника – это уже что-то.

Вот он совсем близко, его корпус начинает разворот, в мою сторону по дуге летит удар буздыгана. Но медленно очень, и я, хоть и уставший, легко уклоняюсь. Замах для ответного удара...

О это мерзкое, страшное чувство!

Мне кажется, будто кто-то разрезал мои руки, вырезал мышцы и вместо них напихал под кожу мочалок. Это чужое, незнакомое тело – оно совершенно не годится для рукопашного боя! Я знал, что так оно и получится, с той минуты, как только понял, что это тело – не мое, закаленное в тренировках на протяжении семидесяти пяти лет, знал... Но одно дело знать, что тело непригодно к бою, и совсем другое – почувствовать это при попытке нанести удар.

Ботинок угодил каблуком по плечу мертвеца – совсем не туда, куда я пытался ударить, да и вообще это не удар. По крайней мере, теперь я знаю, что ощущает охотник, обычный человек, на которого несется разъяренный медведь, а у него в ружье только холостые патроны.

Я никогда не чувствовал себя беззащитным и безоружным. Ни когда в одиночку усмирял толпу, ни когда дрался с медведем в молодости, ни даже когда пару часов назад – только пару ли? – дрался с медведем уже будучи стариком. Мои кулаки – сокрушительное и безотказное оружие. Мое тело – моя броня, мой самый лучший доспех, который я «выковал» ударами бейсбольной биты. Пусть оно не могло устоять против острого ножа или когтей, но в своей шкуре я никогда не ощущал себя беззащитным и голым. Только... где оно теперь?! Шутник, провернувший со мной этот издевательский фокус, каким-то образом запихнул меня в тело сопляка, который не то что никогда не трудился до изнеможения – вообще вряд ли поднимал что-то тяжелее ложки. Но все восемь мириадом ками свидетели, что прямо сейчас я предпочел бы встретить неупокоенного монстра в своем собственном старом, но проверенном теле. Всего одна минута – и даже если мертвого во второй раз не убить, я переломаю нежить вдоль и поперек так, словно его скелет пропустили через мельницу... Точнее, переломал бы, ведь сейчас я в таком положении, что меня самого можно соплей перешибить надвое.

Замах буздыгана, я уворачиваюсь, беспокойный покойник теснит меня наружу. В голове одна мысль: не дать себя выставить, я должен оставаться в пещере! Снова замах – и мощный удар сверху вниз. Наметанным глазом я замечаю, что ударная часть летящего вниз буздыгана чуть отклоняется на рукоятке – значит, рукоять гибкая... Резиновая?

Отскакиваю в сторону, мертвец промахивается, я пытаюсь ударить его ботинком по запястью... Воистину я не в состоянии назвать кошмар страшнее, чем тот, в котором оказался

сам. Ситуация фантасмагорическая, и хоть плачь, хоть вскачь: боец-грандмастер, десятый прижизненный дан, живая легенда, создатель собственного стиля – заперт в немоющем теле изнеженного подростка. Я знаю, как одним ударом сломать этому неуклюжему кадавру обе руки, хребет, как снести голову, как без труда отобрать у него оружие... Я знаю, как уложить урода мордой в пол и удержать в таком положении ногой и двумя пальцами!

Знаю – но не могу. Ничего не могу. Тело, которое мне кто-то подсунул, непригодно для нанесения простейшего удара.

Снова удар, я снова отпрыгиваю в сторону и обхожу противника, чтобы не дать выгнать себя под палящие лучи. Правда, отступать вглубь тоже не вариант, проход сужается, и, если там нигде нет кольца или широкой комнаты, – я буду приперт к стенке в тупике в два счета. Что же делать?!

А мой противник не проявляет ни злости, ни гнева, ни нетерпения, ни усталости. Он просто идет ко мне, размахивается и неуклюже бьет. У меня все же есть одно преимущество: может быть, предыдущий хозяин тела увлекался танцульками, так как подвижность весьма неплоха, похуже, чем у меня в этом возрасте, но тут надо сделать скидку на истощение.

Однако ни один бой нельзя выиграть, только уклоняясь и защищаясь. Нужен удар, который я не могу нанести. Проклятье, танцевать туда-сюда бессмысленно, враг неживой и, скорее всего, не устает, значит, время играет против меня.

Надо решаться на что-то.

Я снова отскакиваю, буздыган задевает стену... Кррак! Вот это вспышка! Оружие, оказывается, электрическое, стоит ему лишь задеть меня – и на этом все кончится.

– Ладно же, – говорю я скорее себе, чем врагу.

Ва-банк.

Я поворачиваюсь и быстро отступаю вглубь пещеры. Да, будет просто замечательно, если мононокэ², зомби, ёкай³, или что это за мертвяк, тут не один...

Вот и расширение пещеры с покойником, наколовшим свою голову на сталагмит. Здесь не так просторно, но места для того, что я задумал, должно хватить.

Пока противник неспешно бредет, шаркая по полу, ко мне, выстраиваю примерный план боя. Я стою тут, он идет ко мне, быстрый маневр... Если получится – хорошо, если нет – отсюда я могу отступать направо, после чего понадобится один раз уклониться от удара, чтобы выйти на позицию, аналогичную стартовой... И тогда еще одна попытка, благо враг, судя по всему, не блещет интеллектом.

Он все ближе, я тем временем восстанавливаю дыхание. Мертвец входит и шаркает ко мне именно тем путем, каким я и предвидел. Главнейший вопрос теперь – как он ударит, справа налево или сверху вниз.

Буздыган уходит вверх, поднимается для удара – идеально! Делаю шаг навстречу и в сторону, а затем, пока враг скован инерцией летящего вниз оружия, стремительно пробегаю мимо него ему за спину, резко торможу и бросаюсь в обратную сторону. Моя нога в движении вперед резко наступает ему на левую икроножную мышцу, сразу под коленом, я подкрепляю натиск весом собственного тела, одновременно толкая мертвеца в спину рукой.

Получилось! Он заваливается вперед и влево, не сумев восстановить равновесие. И падает как раз туда, куда я и хотел его уронить.

На невысокие, но острые сталагмиты.

Хруст и скрежет костей по камню – это сейчас как музыка для меня. Пара каменных зубов торчит из вражьей спины, он больше не двигается. Странно, он, по идее, и так был мертвый, что ему пара дыр и переломов?

² Мистическое существо из японского фольклора.

³ В японской мифологии – сверхъестественное существо, живой мертвец.

Приглядевшись, я понял, в чем дело: он также умудрился налететь на небольшой сталагмит глазницей. Не совсем логично, конечно, но я принимаю как данность. Да, повезло, что все вышло, как вышло.

Мысленно посылаю поклон Морихэю Уэсиге: именно его учение, легшее в основу айкидо, и его боевая система помогли мне победить. Мастер не раз подчеркивал, что его невозможно одолеть при помощи физической силы, потому что сам он таковую вообще не использует. Некоторое преувеличение в этом есть, но вот сейчас я спасся из очень плохого положения, обойдясь без силы, которой у меня просто нет. Все-таки не зря у меня пятый дан в айкидо.

Я подобрал с пола оружие противника. Килограмма два, рукоять действительно резиновая, есть и переключатель. Я пару раз тыкнул буздыганом в поверженного врага. Треск и вспышка, но тело не реагирует. Ну да, оно ведь не особо свежее.

Пахнет, конечно, – Небеса, спасите. Обшариваю карманы и вытаскиваю из одного плоский предмет, заключенный в прозрачную пленку, из другого – ключи. Обычные себе такие ключи, только не современные плоские, а старомодные флажковые односторонние. Они мне без надобности.

Выхожу обратно, чтобы рассмотреть находку на свету. Выглядит как что-то съестное. На серой бумажной обертке под пленкой – черные буквы странного вида. Смотрю на них несколько секунд, а затем внезапно понимаю – это же шоколад из военного сухпайка, на нем именно это и написано!

Разрываю пакет руками и зубами – шоколад, плотная черная плитка без квадратиков. Ее не стало в считанные секунды, желудок приятно потяжелел, и я даже поймал себя на мысли, что безумно благодарен тому мертвяку за шоколадную плитку, словно это не он только что пытался припечатать меня электрической дубинкой.

Затем меня начало клонить в сон – типичная реакция истощенного организма, который наконец-то утолил голод и жажду, но спать сейчас нельзя, вначале необходимо исследовать пещеру до конца, если она не очень большая. А чтоб не заблудиться – помнить правило любой руки.

С электродубинкой я почувствовал себя намного увереннее, не факт, что оно действует на мертвых, но хоть какое-то оружие. Миновав комнату теперь уже с двумя трупами, прошел дальше, свернул несколько раз и внезапно вышел в довольно большой зал высотой метров восемь, с крупными сталактитами и сталагмитами. Они светились даже ярче, чем предыдущие, потому в пещере было не совсем как днем, но все же светло. Кроме того, желтоватый свет исходил также от небольших грибов, растущих на камнях.

А прямо перед входом возвышался уступ в два человеческих роста, почти отвесный, и за ним, судя по всему, тупик. Я внимательно осмотрел стену на предмет выступов или щелей и решил, что смогу взобраться без особых проблем, если сниму сандалии.

Меня не покидало странное чувство, что именно туда, наверх, мне и надо.

Ладно, отчего бы и нет? Как минимум наверху я смогу спокойно поспать, не опасаясь, что мертвяки каким-то образом воскреснут и нападут на меня во сне. Я снял сандалии, выключил булаву, сунул ее за пояс и полез.

Дело оказалось несложным, несмотря на вернувшуюся боль от солнечных ожогов. Выбравшись наверх, я сразу же обнаружил местную двойную достопримечательность.

В самом центре площадки, у стены, из потолкаросло несколько некрупных, но ярких сталактитов, с которых мерно стекали капельки, а под ними водой была выдолблена небольшая выемка, до краев полная влаги.

Но гораздо сильнее меня порадовало то, что лежало на дне. Огромный предмет, выглядевший как жемчужина, по форме – капля, по размерам – крупная груша.

И он мерцал, несильно, но красиво.

Я немедленно протянул руку и схватил жемчужину. Гладкая, красивая, но... дело было не в этом. Я испытал непоколебимую уверенность, что именно за ней я сюда и пришел и что дальше все будет хорошо.

С этой же уверенностью я и уснул, лежа на голом камне и прижимая жемчужину к груди.

* * *

Моргнул, открыл глаза, шевельнулся... Больно. Болит спина, болят израненные ноги, болят руки, все тело затекло от сна на твердом камне, мышцы ломит. Хочется есть и пить.

С другой стороны, я все еще жив и чувствую себя несколько отдохнувшим. Покрутил головой, похрустел позвонками, подвигал конечностями, разгоняя кровь. Дела мои, конечно, не сахар, но уж точно лучше, чем раньше. Теперь, когда охранявший Слезу бога мертвец окончательно мертв, мое новое тело оборачивается уже не недостатком, а временным преимуществом: старик не сумел бы так быстро восстановиться и обратный путь мог бы стать неодолимым...

Стоп. Откуда я знаю, что жемчужина называется Слезой бога, почему я точно уверен, что пришел именно за ней и что с ней мне надо вернуться обратно, а не пойти вперед, направо, налево или еще куда-то? Вопросы без ответа. Но если я буду делать так, как велит подсознание, то, может быть, получу свои ответы, тем более что другого плана у меня все равно нет.

А еще я сожалею, что, если – или когда – приду обратно туда, откуда пришел, у меня не будет моего старого, но тренированного тела. Потому что впервые в жизни – или послежизни? – я испытал жгучее желание нарушить принцип использования своих навыков только для защиты ради ублюдка, который отправил меня, или, точнее, предыдущего владельца тела, в пустыню чуть ли не голышом и без припасов. Уверен, приложи я этому мерзавцу в голову удар-другой из тех, которыми убивал свиней, – ни ками, ни Небеса, ни Ама-эрасу не разгневались бы. И даже будь он бог этого странного загробного мира – я бы не побоялся клепануть в рожу и божеству. Но с этим вот желатиновым тельцем это получится не удар, а посмешище.

Я засунул жемчужину в карман штанов, хлебнул из выемки – солоновато, но ничего – и принялся спускаться. Внизу надел сандалии, пошел в пещеру с трупами, взял флягу и снова полез наверх.

Здесь погрузил сосуд в воду – набралось почти доверху, пока вода не опустилась до уровня горлышка. Остальное я выхлебал так, почти досуха, и оставшуюся влагу вылизал. Во рту солено с минеральным привкусом, может, оно и к лучшему, я с потом истратил небось немерено соли из организма.

Конечно, поест бы еще чего, но, видимо, придется потерпеть, ибо светящиеся грибы мне незнакомы – рискованно.

Иду к выходу, но яркий проем в адскую пустыню все не появляется. Ночь! Я не знаю, сколько я спал – только до ночи или до следующей ночи, но в любом случае надо этим воспользоваться. Если хорошенько налечь на ноги, я смогу вернуться, потратив на обратный путь всю ночь и несколько утренних часов... Не знаю, откуда я это знаю – ха-ха, да я в этой заднице еще и шутить способен! – но знаю. И если сейчас не начало ночи, то тем более надо поспешить, чтобы как можно быстрее добраться... Куда? Куда надо. Медлить нельзя, ведь я... нет, не я, прежний владелец тела добрался до скалы в очень плохом состоянии, хотя я и не знаю, сколько времени он шел и в какое время суток отправился в путь.

Что ж, спешить так спешить. У входа я нашел оброненные ботинки и рубашку. Ноги вошли в ботинки легко, сама обувь неплоха, удобна, хоть и велика. Сразу видно, военка.

Рубашку я надел, предварительно вывернув наизнанку, чтобы не касаться телом ткани, которая прилегала к мертвой плоти.

Чуть подумав, снова вернулся к труп, напоровшемуся затылком на сталагмит. Возле него, если меня не подводит зрительная память, лежала упавшая с головы кепка.

Кепка с камуфляжными разводами действительно лежала там и даже не воняла, поскольку свалилась с головы еще живого человека или как минимум невоняющего. Вот, совсем другое дело.

Выйдя из пещеры, я убедился, что воздух теплый, но не душный, а на чистом небе – россыпь звезд. Пришел я вон оттуда, над тем местом... Большая Медведица? Похоже, но... Не она. Какие-то тут звезды другие. Хотя о чем это я, меня едва не угробил зомби, а я звездам удивляюсь.

Сделав несколько шагов, вынул из-за пояса дубинку и бросил в песок: лишний груз мне не нужен, так я буду с каждым шагом перемещать в пространстве на два килограмма меньше, если умножить на множество тысяч предстоящих шагов – вес получается похлеще танкового взвода.

* * *

Я приготовился к тому, что путь окажется нелегким, – и убедился в своей правоте. Ночью было еще сносно, однако у меня начали заканчиваться внутренние резервы. Мне не привыкать к лишениям и крайним напряжениям, однако борьба оказалась труднее, чем когда-либо: в этот раз мне приходилось бороться не только с трудностями изнуряющего пути и неблагоприятными условиями, но и со своим новым телом. Я стойко переносил боль в стертых еще вчера и воспаленных ступнях, терпел жажду и делал шаг за шагом по зыбкому песку, но колени начали предательски дрожать еще до того, как забрезжил рассвет, и я с этим уже ничего не мог поделать. Приходилось садиться на ближайший камень и отдыхать, теряя драгоценное время относительно прохладной ночи.

Вместе с тем я не мог не отметить, что при таком истощении шаги все равно получаются легкими и быстрыми, по крайней мере, пока не начинают подгибаться колени. Паренек, надо думать, любил подвижные игры, это крепко выручило меня в поединке с мертвецом и все еще продолжало выручать в пути.

Заря занялась довольно не скоро, мне крупно повезло, что я проснулся в начале ночи, а не в конце. Когда солнце поднялось чуть повыше, я выпил из фляги последние шесть глотков, выбросил ставший ненужным сосуд и опорожнил мочевой пузырь. Все, я избавился от того лишнего веса, от которого можно избавиться. Я мог бы растянуть воду еще немного, но моя стратегия выживания базировалась на том, чтобы как можно дольше оставаться в максимально возможной кондиции и идти быстро, а в конце сделать рывок из последних сил и надеяться, что их, этих сил, хватит. Вариант цедить воду крохотными глоточками и страдать от жажды почти с самого начала пути я счел заведомо невыгодным.

Итак, только вперед и настолько быстро, насколько смогу. Предыдущий владелец тела свалился, совсем немного не добравшись до цели, мне будет вдвойне обидно умереть, не добравшись столько же до спасительной исходной точки.

Пустыня стремительно превращалась в гигантский гриль, но на этот раз у меня хотя бы была какая-никакая защита. Кепка и рубашка спасали от прямых солнечных лучей, ботинки, уже насквозь пропитанные изнутри сукровицей и кровью – все же получше сандалий, в которых песок стирал мои ноги, словно наждачка. Но у паренька, который шел «туда», этого не было изначально, и я могу только догадываться почему. Если бы он, предположим, сбежал в пустыню без ничего, почти голышом – откуда непоколебимая уверенность в том, что надо вернуться?

Ладно, гадать не резон, это все равно что писать хаси⁴ по бульону – бессмысленно и некрасиво. Доберусь – может быть, узнаю.

Снова начала мучить жажда, которая стремительно усиливалась. На пути «туда» у тела был некоторый запас влаги в тканях – так он израсходовался сразу, а все, чем я пополнил его, – два стакана из фляги покойника и вода из выемки. Я очень сильно сглупил, что не набрал воды до того, как заснул, тогда за время сна в выемку могло бы накапать еще немного. Но увы, после боя кулаками махать глупо, облажался – сам виноват.

Поднявшись на бархан, чтобы осмотреться, я увидел впереди горную грядку, идущую поперек моего пути. И чуть левее курса – перерыв в сплошной каменной стене. Стало быть, решил я, туда и надо идти, возможно, там ущелье, по которому я миную грядку, другого пути может и не быть, а взобраться на скалу мне, скорее всего, не удастся.

И я припустил из последних сил: даже если это еще не конец пути, солнце висит сбоку, а не над головой, и вертикальные стены ущелья могут стать для меня укрытием от палящих лучей.

Часом позже я дохромал до скалы и убедился: действительно ущелье, шириной метра три. Что ж, поглядим, что ждет меня на той стороне.

Войдя в спасительную тень, пошел дальше и обнаружил, что на песке остались следы. Их было довольно много, я насчитал не менее десяти разных следов от обуви разного типа и размера. Никакого сомнения: я иду верным путем.

Впрочем, ущелье, возможно, не такое уж и проходное, как кажется, ветер по нему не гуляет. И если так, то следы теоретически могут оставаться на песке довольно долго... Мою догадку подкрепил след гладкой обуви небольшого размера, который, где бы я его ни замечал, неизменно оказывался отпечатанным поверх любых других следов. Кожаные сандалии, и я даже догадываюсь, на чьих ногах они были...

Колени снова предательски дрожат, я сажусь на камень – тут он не так горяч, как в пустыне, – и сижу, мысленно считая до трехсот. Пять минут – все, что я могу выделить на отдых. Вот время прошло, я снова усилием воли заставляю себя встать и идти дальше. Здесь ущелье чуть изгибается, я прохожу поворот – и чуть ли не упираюсь носом в широкую спину в чем-то похожем на спортивный костюм.

И это довольно-таки вонючая спина.

Владелец треника и спины, услышав мои шаги, разворачивается, одновременно нанося удар, я успеваю присесть и откатиться в сторону, так что сверкающее лезвие проходит над моей головой.

Еще один пережат, вскочить, сжимая зубы и пошатнувшись от изнеможения, разорвать дистанцию. А мертвец, относительно свежий и еще не успевший сохнуть до состояния мумии, начинает наступать, замахиваясь для очередного удара. Делает он это не совсем так, как давешний буздыганщик – тот был неуклюж и механичен, а движения мечника выдают несколько большее прижизненное мастерство.

Дела мои не ахти, ибо главный козырь – подвижность – практически сошел на нет. Как хорошо, что перед встречей я передохнул пять минут, иначе сейчас все было бы еще хуже, чем есть.

Покойник надвигается, и у меня, скорее всего, только одна попытка, я не уверен, хватит ли сил на вторую. Что ж, будь что будет.

Он поднимает руку с мечом на уровень живота – то есть на уровень моей груди – и разворачивает лезвие горизонтально. Я иду на сближение. Ну же, танцор немощный, покажи, что можешь!

⁴ Палочки для еды (яп.).

Два шага вперед, мой и его, я в пределах досягаемости клинка. Вот он, удар. Не получается, что задумал, – я труп снова.

Ноги танцора вырывают, мне удастся очень резко изменить передний ход на задний, меч мелькает так близко от моей груди, что, кажется, даже задевает рубашку, но противник уже раскрыт.

Я бросаюсь вперед, мимо него, снова упираюсь ногой в песок и отталкиваюсь, метнув свое тело в спину противнику, моя нога, на этот раз уже в ботинке, четко ставится под колено.

Мы летим наземь оба, но я сверху – и я быстрее, и руки мои, к счастью, не так утомлены, как ноги. Я отталкиваюсь ладонями от его спины, мягкой и слегка припухшей, вскакиваю на ноги и правой наступаю на его запястье, наклоняюсь и изо всех сил вцепляюсь в рукоять оружия.

Мертвец оказался необычно сильным. Он потянул руку к себе с такой мощностью, что его посиневшая, вздутая кожа прямо слезла с плоти, однако к этому моменту я успел вывернуть его кисть так, чтобы меч уже находился вертикально, и я крепко держал его под крестовиной.

Поворот кисти против большого пальца сделал свое дело: под моим ботинком мертвец протащил уже обезоруженную руку. А я тем временем отступил на два шага и перехватил оружие поудобнее.

Меч – странный гибрид. Клинок – прямой, один в один как у ниндзято, но полноразмерной длины, как у катаны. Рукоять из наборной кожи, но овальная форма и длина – тоже как у катаны. Однако на конце – противовес, у японских мечей отсутствующий, и вместо круглой цубы – крестовина. Сойдет.

Вот теперь все совсем наоборот, и у противника еще меньше шансов, чем было у меня.

Потому что как-никак в кэндзюцу у меня тоже черный пояс.

Руки с желатиновыми мышцами – не самый лучший вариант, но мастерство, как говорится, пропить нельзя. Я выбрал идеальный в этой ситуации замах, угол и точку удара и выполнил движение настолько филигранно, насколько мне позволила немощная сила истощенного танцора. Все остальное сделали вес и острота меча.

Мертвец, успевший подняться только наполовину, лишился верхней половины головы и, расплескав гниющее содержимое черепной коробки, распластался в песке.

А все-таки почему поражение мозга упокаивает их? Ведь он, этот мозг, распухший и истекающий гнилостными соками, и так в откровенно нерабочем состоянии... Ладно, отложу этот вопрос на потом, если «потом» у меня вообще будет.

Сил сделать энергичный взмах, чтобы стряхнуть с клинка в песок то, что на нем осталось, нет, потому кое-как вытираю меч о спину покойника, взваливаю на плечо и хромаю дальше. Ноги дрожат пуще прежнего, но зато боли в ободранных и окровавленных ступнях не чувствую: привык.

Еще немного, еще чуть-чуть. Если я миную ущелье и на выходе не увижу конечной цели своего кошмарного пути – брошусь на меч, потому что сил уже нет совсем, а способ умереть быстро как раз появился.

Но миновать ущелье я не мог. Просто потому, что пятью минутами позже наткнулся на десятиметровую стену, полностью перегородившую проход, и ворота. Наверху – пара часовых в странных красных одеяниях, у ворот – какой-то тип в форме цвета хаки. Вот он поднимает руку с зажатой саблей и бьет по воротам. Поднимает и бьет. Поднимает и бьет.

Еще один покойник, я догадываюсь об этом еще до того, как он поворачивается ко мне.

Последний поединок – и я спасен. Кажется. На ногах уже стою только каким-то чудом, но падать не намерен. По крайней мере, живым я не упаду.

Мертвец, волоча саблю по песку, медленно движется ко мне. Я становлюсь в стойку, самую устойчивую, какую только знаю. Ноги дрожат, а вот руки вроде бы не очень. Поднимаю меч и жду. В кэндо недаром есть поговорка: «Кто делает первое движение, тот проиг-

рывает». Я вообще-то кэндо всегда считал забавой детишек, ведь эта дисциплина ставит во главу угла «до» – путь. Путь меча – не совсем боевое искусство, это метод патриотического и волевого воспитания. Другое дело кэндзюцу: это настоящая боевая дисциплина, тоже с мечом, но тут главную роль играет именно мастерство боя. Потому кэндзюцу – всегда более зрелищный спорт, с агрессивными энергичными ката и приемами.

Но вот сейчас у меня нет никакой энергии и сил на агрессивное наступление. Я просто поднимаю меч и жду. И хотя принцип «кто делает первый ход – проигрывает» на самом деле миф, заблуждение – в случае с медлительным мертвецом может и сработать.

Вот он делает шаг вперед и отводит правую руку с оружием для кругового удара. Пора. Я бью сверху вниз, одновременно приседая, клинок хоть и слегка затупленный, но удар наискось и вниз с легкостью отделяет голень противника от бедра. Мертвец падает на правую руку, лишаясь возможности нанести ответный удар, а я обхожу его сбоку и точным ударом вгоняю клинок в шею, отделяя голову.

Теперь – не упасть, просто не упасть. Оставляю меч торчать в песке, бреду к воротам и задираю голову. Я смотрю на охранников, они – на меня, словно ждут чего-то. Пароль? У меня нет сил крикнуть им, да и... есть ли смысл?

Вспоминаю о жемчужине, достаю ее из кармана, поднимаю вверх, чтобы им было лучше видно.

Обоих сразу же словно подменили. Сдержанные и неподвижные прежде, они повернулись на ту сторону и что-то закричали, жестикулируя.

Вот оно!!! Створки ворот со скрипом приотворяются, и я из последних сил хромаю к проему, пока они не передумали.

Вхожу на обширный двор – ба, да тут целая делегация меня встречает.

Ближе всего – полукруг солдат. Слева – несколько пехотинцев со странного вида автоматами, но в остальном их сине-серая форма и шлемы с прозрачными щитками напоминают американскую группу захвата SWAT⁵. Справа от меня – четверо необычного вида штурмовиков в черно-желтой броне и с еще более необычным оружием. За ними дальше – целая площадь монахов в красных робах, а сбоку – две группы людей в гражданской одежде.

Ко мне спешит, путаясь в полах сутаны, толстый красно-позолоченный монах, должно быть, главный. Это ему я должен отдать жемчужину?

Он опускается на колени, принимает от меня эту штуку с благоговейным выражением лица, а затем вскакивает и поднимает мерцающую каплю над головой.

– Узрите же ее! – кричит он. – Узрите! Теперь вы все знаете волю господ нашего!!

Но я волю его господ узреть не сумел. Мир качнулся и начал стремительно переворачиваться, ко мне бросились штурмовики в желто-черном.

А потом я погрузился во тьму.

* * *

Вынырываю из полудремы, покачиваясь на мягких волнах, открываю глаза.

Слева и справа попискивают какие-то хитрые приборы, сверху спускаются прозрачные трубки, висит пакет с жидкостью. И ничего не болит, красота-то какая... Приподнимаю голову – ноги в бинтах. Да я весь в бинтах и мазях. И кровать качается. Больница, только с убаюкивающей кроватью? Слева шторка, за которой проносятся неясные очертания... «Скорая помощь»... Нет. Медицинский блок, в котором я нахожусь, великоват для автомобиля. Поезд?

⁵ Игра слов. Дословный перевод аббревиатуры – «Специальное оружие и тактика», однако слово «swat» значит также и «прихлопнуть».

А, что гадать, проще позвать кого-то, кто рядом.

– Есть кто живой? – слабым голосом спрашиваю я и напрягаюсь.

Я сказал это не по-японски.

За дверью с окошком в узком коридоре появились двое, при этом один сделал другому предостерегающий или запрещающий жест и оставил его за дверью, а сам вошел.

Я смотрю на него, он на меня. Я на него с удивлением, он на меня – как на... да, на пациента, хоть и немного странно. Затем он делает жест, вызывая на приборчиках серию вспышек и огоньков, проводит какой-то палочкой надо мной с ног до головы, сам себе кивает и показывает мне кулак с тремя оттопыренными пальцами.

– Сколько пальцев ты видишь?

Он очень странно выговаривает слова. Паузы между звуками короткие, между словами – такие же, кажется, что он произносит фразу как одно слово, но вместе с тем я хорошо разбираю, что говорит мой доктор. У него идеально симметричное белое лицо, прямой нос, голубые глаза с абсолютно однородными радужками и зрачки с едва заметной вертикальной овальностью. Губы тонкие и бледные. Пальцы – длинные, изящные, холеные.

– Три, доктор... Мне сильно досталось?

Он тыкает в меня пальцами – в щеку и висок, понятия не имею зачем. Активные точки?

– Все хорошо. Теперь. Раньше было плохо, но это уже позади. – Он сказал это почти как одно слово.

– Спасибо, доктор... У меня есть пара вопросов...

– Ответы сейчас будут.

Он вышел и обратился к тому, который ждал в коридоре.

– Пятнадцать минут, пока действует лекарство. Не. Более. – Два последних слова были сказаны подчеркнуто раздельно, мягко, но с непоколебимым нажимом.

Второй кивнул и вошел в тесный медотсек.

– Приветствую вас, сэр Рэмм. Счастлив видеть вас в сносном здравии и при хорошем имени.

Он выглядел как обычный человек лет сорока пяти, с наметившейся лысинкой, некрасивый, но и не урод. Человек как человек... какой разительный контраст с идеальным доктором.

– Простите... Что вы имеете в виду насчет имени?

– Ваше доброе имя восстановлено конечно же, с чем я и поздравляю вас, сэр Рэмм.

– А оно было запятнано?

У него на лице появилось беспокойство:

– Как? Вы не помните?

Помню ли я? Уместно ли слово «помнить», если я в этом теле гость? Или... не гость? Кто я?

– Я совсем ничего не помню... Сумбур в голове... Я даже имя свое вспомнил только после того, как вы его назвали... Даже вот сам удивляюсь – как я мог забыть свое имя... Смешно, правда?

– Надо позвать докто...

– Нет-нет, незачем. Я сразу же вспоминаю все, что вы мне говорите, как будто разбросанные кубики сами на место становятся... давайте я буду спрашивать, а вы – отвечать, хорошо?

– Давайте попробуем, сэр Рэмм, – ответил он с некоторым сомнением.

– Славненько. Так что с моим именем?

– Вы были ложно обвинены в убийстве своего двоюродного брата.

Секунду раздумываю. Наверное, я все же Такаюки Куроно, а не «сэр Рэмм», потому что смерть двоюродного брата, который на самом деле не мой, меня абсолютно не печалит. Но надо бы изобразить грусть...

– Так, значит, мой братик... убит? – Актер из меня так себе, играю, как могу.

– И... вас это расстраивает? – осторожно спросил собеседник.

– А вы как думали? Вот если б вашего брата...

– Вы и правда повредили память, сэр Рэмм... Спешу вас утешить: вы очень сильно ненавидели вашего двоюродного брата. Очень. В суде было показано аж четыре видеозаписи в интервале трех лет, на которых вы обещали вашему брату, что убьете его.

– Ах вот оно что... неудивительно, что подумали на меня...

– Да не только потому. Все доказательства были против вас. Вас застали у трупа, покойного убили принадлежащей вам статуэткой, на вас обнаружили кровь, на орудии – ваши отпечатки.

О как... Зашибись...

– И... каким образом я был оправдан в таком случае?

– Как, вы и этого не помните?! Вы настаивали на вашей невинности, согласились на Божий суд и принесли Слезу бога. К тому же господь наш явил миру двойное чудо, так что все обвинения с вас полностью сняты, вы не убивали вашего брата.

– Хм... боюсь показаться еретиком, но я совершенно забыл, что такое Слеза бога?

– Когда господь наш взглянул с небес на землю, то увидел, как часто творится несправедливый суд, и обронил слезинку. С тех пор любой несправедливо обвиненный может доказать свою невинность, пройдя испытание и достав Слезу бога из того места, где она хранится. Настоящий же преступник не сможет ни добыть ее, ни вернуться живым и обречен стать стражем, охраняющим Слезу от несправедливых злодеев.

– А, вспомнил... А второе чудо?

– Вы умерли, сэр Рэмм. Ваш душехват – ошейник, который на вас надели и который блокировал ваши магические способности – перестал передавать энергию на две минуты. Вы были мертвы, но через две минуты воскресли и двое суток спустя вернулись со Слезой бога, сразив неупокоенных грешников на вашем пути. Воля господя еще никогда не была выражена столь ясно и однозначно – он не позволил вам умереть, лично вмешавшись в вашу судьбу и правосудие.

Забавно... вера в Божий суд и бога – в технологически развитом мире? Хм. Сам я как-то не заметил никакой помощи от божества, в том, что я выжил, – только моя заслуга... или заслуга старого мастера? Кажется, у меня проблемы с самоидентификацией. Хотя, с другой стороны, как такое могло случиться? Чья заслуга, что мне в самый последний момент пришла подмога в виде души бойца из другого мира?

– А ошейник не мог... временно сломаться?

– Исключено. Рунные оковы не ломаются, знаете ли.

Так я, значит, еще и маг?! Я задал этот вопрос собеседнику.

– Ну разумеется, как и любой другой рыцарь из любого благородного Дома.

– А, так я еще и рыцарь?

– Разумеется, как и любой другой боевой маг из любого благородного Дома. Или, если быть точным, вы – младший рыцарь Реджинальд Рэмм, в прошлом из Дома Рэммов. Правда, последние два дня вы уже принадлежите к Дому Сабуровых.

Не понял... Что значит – принадлежу?!!

– Это как так?

– Дом Рэммов отказался от вас, когда вы убили старшего сына этого Дома. Его глава, ваш дядя, брат вашего покойного отца, изгнал вас и требовал казни.

– Это еще не объясняет, как меня присвоили Сабуровы.

– Тут все просто. Ваш отец – Рэмм. После его смерти вы оставались в Доме Рэммов, пока не были изгнаны. Однако как только ваша невиновность была доказана господом, Дом Сабуровых заявил свои права на вас. Это ваша родня по линии матери, понимаете? Дом Рэммов добровольно отказался от своих прав, в силу вступили права Дома Сабуровых.

Тут в коридоре появился доктор и сделал красноречивый жест – закругляться.

Я попытался удержать собеседника, но тот помотал головой:

– Лекарство заканчивает действовать, я должен уйти.

– Что за лекарство? Чем меня накачали?

– Психоделиком. Он не позволяет вам испытывать негативные эмоции.

Серьезно? А я испытываю!

– У меня всего несколько вопросов...

– Смилуйтесь, сэр Рэмм, вы же не хотите, чтобы меня отсюда вышвырнули гвардейцы?

В конце концов, за ваше здоровье отвечает магистр, а не я...

– Ладно, тогда позовите доктора...

– Сию минуту, только... Кхм... он магистр-целитель, а не врач. Вы задеваете его, называя просто доктором.

– Понял, спасибо. А сами не уходите далеко.

Как только магистр вошел, я поблагодарил его за медицинскую помощь и попросил продолжить сеанс посещения.

– Нельзя. Вам необходимо избегать сильных эмоций и восстанавливаться в тишине и спокойствии.

– Магистр, могу ли я быть спокоен, если у меня образовались пробелы в памяти, а человека, который так славно их латал, вы выставили в коридор? Как вы полагаете, что нанесет мне больше вреда: спокойный и полезный разговор с приятным собеседником или мои попытки встать, выдрать из вен иглы и сорвать бинты, сопровождаемые битьем аппаратуры и ожесточенным сопротивлением? Нет, я знаю, у вас там гвардейцы на подхвате, но тот господин удержит меня в постельке с куда меньшими проблемами, вы не находите?

Лицо доктора осталось идеально безмятежным, но в глазах что-то промелькнуло.

– Ладно, – внезапно согласился он и показал мне странную вещь, похожую на градусник. – Если эмоциональный фон поднимется выше нормы – я высажу его из автобуса, и следующие километры сто он будет ехать пешком.

– Да ладно, Спокойствие – мое второе имя!

– Ваше второе имя – Рюиджи, – ответил магистр и вышел.

Его слова внезапно приподняли мне настроение. Рюиджи. Вот так штука, оно или японское, или звучит почти как японское. Мелочь... а приятно, пусть всего лишь совпадение. Хм... Реджинальд Рюиджи Рэмм... Три «Р». Забавно.

* * *

Ответы я получил. Не все, но более чем достаточно для первого раза. Ответы господина Уэйна, «завершателя» – так тут душеприказчики называются – моего отца, стали первыми камешками лавины. Словно человек у огромного книжного шкафа, я попытался стащить с полки парочку лежащих на краю томиков, но за парочкой соскользнули соседние, и соседние, и соседние, пока меня не накрыло книгами-воспоминаниями, а в конце я еще и опрокинул на себя шкаф.

Я вспомнил если не все, то многое. Картина мира и моего места в нем обрела приемлемую целостность. Казалось бы, можно только радоваться, что все закончилось хорошо... Обвинения с меня, Реджинальда Рэмма, сняты, я больше не принадлежу к ненавистному

Дому Рэммов, Сабуровы – в числе коих мой дед, отец матери, которую я не помню, мои дядя и тетя, двоюродные братья и сестры – забирают меня к себе...

Хорошо? Да, но не очень. Неизвестно, кто и зачем убил моего ненавистного двоюродного брата Томаса. Я его не убивал, и дело даже не в пройденном испытании, я просто вспомнил, как вошел в его комнату, намереваясь расхреначить статуэткой его коллекции пластинок и бабочек, а если придется – то и его голову, и сразу вляпался в лужу крови. Кто-то успел расхреначить голову Томаса до меня, и я не знаю кто. Безусловно, убийца оказал всему миру огромную услугу, избавив его от записной сволочи... всему миру, кроме меня, мне это вылезло боком.

А еще я знаю, зачем дед заявил свои права на меня, и мне не нравится уже сам факт, что я – фактически чья-то собственность. Мне это всегда не нравилось, еще до событий в пустыне, но, когда я... прикоснулся, скажем так, к душе старого мастера из иного мира, я понял, что это такое – свобода и независимость.

Но особо беспокоит, что я до сих пор не могу решить, кто я такой. Я – душа Такаюки Куроно в теле умершего в пустыне Реджинальда Рэмма? Или же – Реджи Рэмм? Я не в состоянии ответить на этот вопрос. В моей голове память двух разных людей, двух разных жизней, но которая из них моя?

Вполне логично допустить, что душа старика, неся с собой свои воспоминания, оставила в моей памяти неизгладимый след. Я очень ясно помню его жизнь и его мир, я знаю, что в его мире есть религия, настаивающая на переселении душ. И если душа человека переселится в животное – животное не сохраняет ни интеллекта, ни памяти человека.

Так что существуют равновероятные возможности, каждая со своими аргументами. Первая – Реджи мертв, скончался там, в этой адской пустыне, а я – Такаюки Куроно, который просто получил доступ к памяти того, чье тело «унаследовал». Это объясняет почти все. Правда, в таком случае свою собственную память я могу утратить, я уже теряю ее, ведь мои воспоминания всего лишь отпечатались в мозгу Реджи, попав к нему «из третьих рук», через посредника, и теперь начинают казаться сном. Очень длинным и четким сном длиной в жизнь, но... сном.

Второй вариант – я и есть настоящий Реджи Рэмм. Каким-то образом, когда я находился на грани гибели, умерший воин из другого мира пришел ко мне на помощь и помог выжить, или, прямо скажем, выжил вместо меня, а его воспоминания сохранились в моей памяти, словно дивный сон о мире, где есть дома высотой в пятьсот метров и транспорт, летающий по небу, но нет ни магии как таковой, ни альвов со свартальвами, поскольку на мировое дерево Иггдрасиль там не налетала буря, сбросившая миры с его ветвей в кучу.

И лично я склоняюсь ко второму варианту. Просто потому, что я пессимист. Я – Реджинальд Рэмм, мне всегда не везло, или, скорее, я просто слабак и неудачник. И я привык к этому. Привык к своей ничтожности и жил, как получится, не трепыхаясь и терпеливо снося невзгоды.

Но сейчас меня пугает такая перспектива. Старый мастер невольно оказал мне сомнительную услугу. Он помог мне остаться в живых, но при этом отнял волю к жизни, которой и так было не бог весть сколько.

Смогу ли я, такой жалкий и слабый, влачить и дальше свое существование, если уже знаю, каково это – быть сильным?!

С другой стороны, я точно помню, как я, Такаюки Куроно, прихожу в себя в пустыне, а господин Уэйн говорит, что Реджинальд Рэмм умер. Две памяти – та еще загадка, но тут вопрос, наверное, все же в душе. Факт вселения души Куроно в тело Реджинальда бесспорен, при этом у меня нет никаких причин полагать, что затем Куроно покинул свое новое тело, как нет причин полагать, что душа малыша Реджи вернулась.

Должно быть, я все-таки Куроно, а моменты, когда мне кажется, что я Реджинальд, – влияние его памяти, ведь и мозг мой – мозг Реджинальда.

...Но на самом деле все это имеет сугубо академический интерес. Важны три вещи: я слаб, я ненавижу себя за свою слабость – и я знаю, как стать сильным.

* * *

Двухэтажный автобус, принадлежащий Дому Сабуровых, который привез меня из монастыря в пустыне, неспешно и величественно пробежал восемьсот километров за три с половиной дня, и этого мне оказалось достаточно, чтобы полностью залечить раны. Ну, точнее, не мне, а магистру: альвы, или, как они требуют себя величать, эльдар – великолепные целители. Многие из них посвятили этому мастерству всю свою жизнь и достигли таких высот, что в Льюсальвхейме, как они по старой привычке называют свою новую родину, целителей стало слишком много и некоторые из них начали перебираться в Европу, где с легкостью нашли себе теплые и уютные места при дворах королей и императоров. А кто не столь искусен – не страшно, те же Сабуровы, как поведал мне господин Уэйн, платят «своему» целителю около ста тысяч империалов в год, то есть немногим меньше некоторых королей.

Когда автобус въехал в пригород столицы, с меня сняли последние бинты и наконец-то накормили по-человечески, а не глюкозой и аминокислотами внутривенно. Я обнаружил, что вполне себе уверенно стою на ногах и на память о моих приключениях в пустыне у меня осталась только старая кожа, слезающая со спины и рук. Одна купель – и не останется ничего.

Ничего, что мог бы заметить посторонний наблюдатель, а изменения внутри меня вряд ли можно выявить каким-либо прибором.

После обеда появился камердинер. Да, в этом автобусе предусмотрены даже кухня для повара-виртуоза и места для пяти душ обслуживающего персонала, это не считая шести посадочных мест для тяжеловооруженных гвардейцев-штурмовиков. А также кабинет на две персоны, хозяина и секретаря, комната для отдыха и обедов и спальня. При этом места персонала также раскладываются в спальные. Ну и мой медблок приплюсовать. И все это – на двух этажах десятикопеечного монстра.

Конечно, когда такой, с позволения сказать, экипаж, посылают за шестнадцатилетним паренком – тут недолго и крупной шишкой себя почувствовать, правда, я отлично понимаю всю подноготную. Я сизмальства ее понимал, и она мне, разумеется, не нравилась. Пока отец был жив, жизнь была прекрасна, по моим меркам, конечно. Я знал, что он не даст меня в обиду – и он не дал.

Но теперь его уже нет. На душе горько, когда я вспоминаю его: то ли Реджи тоскует по отцу, то ли Куроно сочувствует бывшему владельцу своего нового тела.

Камердинер помог мне облачиться в рубашку, брюки, туфли и сюртук, как будто я не мог сделать этого сам. В какой-то мере подобная забота оправданна: мне предстоит своеобразное торжественное мероприятие, хотя знакомство со своей новой «семьей» я бы так не назвал. В принципе, пока отец был жив, я часто бывал в доме Сабуровых и с моими здешними двоюродными братьями и сестрами вполне себе ладил. Ну не то чтоб ладил – просто при наличии такого братца, как Томас, можно считать, что я ладил с любым человеком, кому никогда не хотел разбить голову бронзовой статуэткой.

Но теперь я иду туда не как гость, увы.

Конечно, для меня ничего глобально не изменилось: из младшего сына одного дома я стал младшим сыном другого. Но стоит мне прикрыть глаза – и я вижу картины той, другой жизни, чья бы она, эта жизнь, ни была. Вижу разрушенный послевоенный Токио, и я, три-

надцатилетний мальчик Такаюки, иду по нему в поисках работы и пропитания. Нищета – это жутко, и можно только порадоваться, что я как Реджи Рэмм никогда ее не знал.

Но вместе с тем я никогда не знал, что такое свобода.

Автобус катит по улицам в зеленой волне: система опознавания в кабине водителя взаимодействует с автоматическими светофорами, сообщая им, что едет транспорт особы благородного сословия, которую негоже заставлять ждать. Я с любопытством смотрю в окно: все это в общем-то мне знакомо, я ведь в этом городе родился и вырос, но возникает чувство, словно воспоминания замылены и неясны, и только когда взгляд падает на какое-то строение, площадь, скульптуру – воспоминания о предмете очищаются, обретают четкость.

Вот и Заречье, часть пригорода, застроенная роскошными усадебными комплексами аристократов, а также всем необходимым для их жизни и быта. Среди простолюдья ходят слухи, что здесь в самой последней школе для лишенных Дара детей самых бедных дворян – даже унитады золотые или как минимум позолоченные. На самом деле это полнейшая выдумка, однако она более-менее точно отражает здешнюю дороговизну и шик. В забегаловках готовят лучше, чем в ресторанах для простолюдья, школьного учителя без научной степени не встретить, и на автостоянках служащие в настолько шикарных ливреях, что какой-то африканский король, из тех, кому свартальвы позволили остаться на троне, по сей день облачается в одну из подобных ливрей по большим торжествам.

Само собой, что район закрытый, попасть сюда могут только жильцы, гости и обслуживающий персонал. Обычного человека полицейская охрана завернет на входе, а кто проскользнет и попадется охране какого-нибудь Дома – ну, пусть пеняет на себя. Так что большинство баек о Заречье – от закрытости.

Автобус притормозил на повороте, чуть поднатужившись, выбрался на горку и въехал в широко открытые стальные ворота.

Вот я и «дома», чтоб его.

Я вышел из автобуса и в сопровождении камердинера двинулся по дорожке к особняку.

Камеры у входа открыли передо мною двери – значит, я уже в базе данных. Предусмотрительно.

Камердинер проводил к холлу. Там, за дверью, меня уже ждут, по старой аквилонской традиции – глава Дома и все остальные члены семейства из тех, которые в данный момент в усадьбе. Мы не виделись с ними с тех пор, как отец умер и дядя Вольфар Рэмм полностью исключил все мои контакты с Сабуровыми, то есть уже пять лет, и это будет фактически знакомством заново, потому что они помнят меня только одиннадцатилетним мальчиком. Как разыграть партию? По правилам? В тартарары правила, в них для таких, как я, ничего хорошего не прописано.

Я сам удивился этой мысли и даже ужаснулся тому, что задумал. Точнее, ужаснулся прежний я, робкий слабый малыш, а тот, новый Реджинальд, прошедший пустыню смерти, только улыбнулся. Да, я по-прежнему слабак, которого можно перешибить соплей, но если вдуматься, то сила – она не в кулаке начинается. Недаром самурайская пословица гласит: «Одержи победу, готовя ее, и только потом, если надо, дерись». Кулак – лишь вспомогательное средство на случай, если противник не понимает, что проиграл, по-хорошему. Во многом моя судьба будет определена тем, как я себя представлю, входя в клетку с хищником, показать страх или слабость – приговор.

А меня ждет этих хищников целая свора.

Я дождался, пока камердинер отворит передо мною дверь, и шагнул вперед.

Большой зал, в котором напротив двери стоит длинный стол. По центру восседает патриархально-монументальный мужчина лет шестидесяти с виду, хотя на самом деле ему далеко за семьдесят – Александр Сабуров-старший, мой дед по матери. Слева и справа – Николас и Александр-младший, мои дяди, подле них – тети, дальше по старшинству в обе

стороны – мои двоюродные братья и сестры. Удобная традиция так встречать: сразу видно, кто есть кто.

Делаю два шага вперед вместо положенных по этикету трех и останавливаюсь.

– Здравствуй, дедушка. И вы будьте здоровы, родственники.

По эмоциям на лицах хорошо виден произведенный эффект: у старших мужчин – любопытство и интерес, у женщин – скорее непонимание и возмущение.

Ну еще бы, я ведь не поклонился в пояс, как полагается, и даже головы не склонил. Хотя это стоило мне почти нечеловеческого усилия, но я выдержал, подбадривая себя тем, что для мастера Куроно это был бы вообще пустяк. Конечно, он – сильнейшая личность, легенда в своем мире, а я – слабак... Но Сабуровы этого не знают.

Мой выпад дед принял шутя, даже не поморщился. Хорошо, что по традиции он говорит первый, как глава Дома, а все остальные молчат, таким образом в этом испытании у меня пока только один противник, иначе было бы куда тяжелее.

Правда, одна из сестер, Анна, попыталась украдкой жестом показать мне, чтобы я поклонился, но я сделал вид, что не заметил.

– И ты здравствуй, внук, – пробасил старший, – приветствую тебя в моем доме. А скажи-ка, у Рэммов такие новаторские обычаи – главе Дома не поклониться?

Я выдержал его взгляд, не отводя глаз, и мои слова, я готов поклясться, были самыми последними из тех, что все присутствующие ожидали услышать.

– Не хочу показаться невоспитанным, но, дедушка, а с какой стати я должен вам кланяться?

Я сам в шоке от своих слов, хоть и готовил их заранее, – а уж они-то! Камердинер за дверью буквально икнул, я ясно это услышал. И пока глаза и брови собравшихся ползут вверх, начинаю добивать.

– Нет, я знаю, вы глава теперь уже моего Дома, частью которого, кстати, меня сделали, не спросив... Но мне-то что с того? Вы ведь своими интересами руководствовались, а не моими. Знаете, я бы вам поклонился, заяви вы свои права до того, как меня голышом швырнули в пустыню, а не после. Но нет, вы просто выждали, что будет, убедились, что я невиновен и серьезных осложнений не предвидится, – и только тогда сообразовали оказать мне «милость», подобрав выброшенное другим Домом. И мы с вами, дедушка, оба прекрасно знаем зачем. Просто чтобы в геральдический список внести еще одного мага-рыцаря и прибавить Дому веса. Правда, с теми, кто знает мои истинные возможности, а точнее, их отсутствие, этот номер не пройдет. А дальше что, дедушка? Я попаду в какую-нибудь спецшколу, чтобы у Дома появился новый специалист, скажем, по безопасности? Или вы меня выменяете на союзный договор с другим Домом, отдав в примачи и не спросив, а видел ли я свою будущую жену хотя бы один раз, не говоря уже о том, нравится ли она мне. Я вас не осуждаю, господь упаси, интересы Дома – это святое... Но мои интересы где? Они вас не интересуют, я для вас ресурс, а не близкий родственник. Вещь. Так что с таким же успехом вы можете ожидать поклона от шкафа или стула.

Моя тирада, высказанная подчеркнуто ровно, удивила всех не меньше, чем если бы я выплюнул изо рта «огненный смерч» седьмого уровня. Пожалуй, кроме деда, он свои эмоции наружу не выпустил. Что ж, его репутация вполне заслуженна.

– Хорошо сказано, Реджи, – спокойно сказал он, – и, врать не буду, по существу. Узнаю в тебе Рюиджи, по уму ты весь в отца пошел. Правда, его мудрости тебе пока недостает, а язычок острый – весь в мать, к сожалению.

Я пожал плечами.

– Вам виднее, я, знаете ли, вашу дочь, мать мою, совсем не помню, она меня трехлетним малышом бросила и удрала к своей темной родне, отца и вас за таковую не посчитав. Как, впрочем, и ее мать с ней поступила. Но если вы ставите мне в вину сходство с вашей

дочерью – позвольте напомнить, что, когда вы сорок лет назад выбрали себе любовницу из свартальвов, меня вообще на свете не было, я тут не при делах. Кстати, что я рос без матери и что я на четверть свартальв, – это, просто между прочим, чья вина? Моя или ваша? Так что, дедушка, все, чем я вам обязан, – так это самим фактом своего существования. Но с учетом того, как сложилась моя жизнь, желания кого бы то ни было за это благодарить я не испытываю.

Славно добил, ничего не скажешь. Все просто шокированы таким поворотом церемонии, да и я сам слегка вспотел. Но при этом мне безумно понравилось говорить то, что я думаю, громко и с гордо поднятой головой. Конечно, грань между собственным достоинством и наглостью переступить очень легко даже в разговоре с равным, а в данном случае я не мог ее не переступить, потому что, по мнению этих людей, своего достоинства у меня не должно быть, и один намек на него – уже наглость. А вот вам, получите и распишитесь. Меня буквально распирает от гордости: я уверен, что так с Александром Сабуровым, главой Дома Сабуровых, не говорил никто и никогда. Разве что император, да и то очень вряд ли.

Правда, на заднем фоне сознания боязливо маячит мысль о том, чего мне будет стоить такая прямота, но если раньше я пришел бы в ужас от таких своих высказываний, то после того ада, через который прошел, начиная с каталажки, суда и кончая пустыней, уже как-то не особо боязно. Хуже, чем было, уже не будет. Если меня пинками вышвырнут отсюда – буду только рад, хотя простолюдину без рода, у которого в смертельных врагах два знатных Дома, позавидовать нельзя. Впрочем, насколько я знаю своего деда, он не из тех, кто будет разбрасываться активами, каковым я в его глазах и являюсь.

В целом моя оценка деда оказалась близкой к истине. Во время бунтарского выступления он сохранил железное самообладание, даже выпад в сторону личной жизни броню его самоконтроля – или толстокожести? – пробить не смог. Чего нельзя сказать обо всей остальной семейке. Главное, чтобы не поплохело никому, а то ведь если у кого сердце прихватит – крайним буду я.

Дед тем временем расплылся в улыбке, которая меня, Впрочем, не обманула.

– Что ж, внук, должен признать, что ты меня весьма удивил, весьма. Оно и понятно, пять лет ведь не виделись, срок большой... К тому же тебе кой-чего пришлось вынести, люди в таких ситуациях не могут не измениться... Словом, эффектно ты... представился, ну да оно и неудивительно, осознание своей правоты – сила. В общем, церемония пошла совсем не по плану, но будем считать ее на этом завершенной. Полагаю, в ближайшее время мы начнем отстраивать мосты родственных связей заново, а пока – отдыхай, восстанавливай силы. Михаил покажет тебе апартаменты.

– Спасибо на добром слове, дедушка.

Я ему улыбнулся в ответ, позаботившись, чтобы и он моей улыбкой не обманулся.

* * *

Апартаменты мои оказались четырьмя комнатами на втором этаже во флигеле, довольно просторными и хорошо обставленными. Как и сам дом, комнаты были оформлены в старомодном стиле, характерном для восточных областей Аквилонии, вплоть до декоративных мраморных колонн. Имелись, помимо комнат, ванная и санузел, в общем, неплохое жилье. Конечно, после своего «шоу» я бы не удивился, если б меня поселили в какой-то подвальной каморке, но дед если и затаил камень за пазухой – а я предполагаю, что затаил, – то на мелочи размениваться не стал.

Я отпустил слугу и прошелся по комнате, размышляя, до чего докатился и мог ли вообще хоть как-то повлиять на свою жизнь. Я часто задумывался о своих возможностях

самоопределения и неизменно приходил к одному выводу: нет, не мог. Моя судьба неудачника была предопределена еще до моего рождения.

Мой отец, младший из двух сыновей Дома Рэммов, неожиданно для всех оказался первым уровнем. Предрасположенность к магии и сила очень часто в значительной мере наследуются у одного из родителей, а иногда и у обоих сразу, но порою, очень редко, бывают и казусы вроде «монстра» седьмого уровня у двух «затупленных», лишенных капли Дара простолюдинов. Гораздо чаще случается обратное, вот как с отцом: дед – четвертый уровень с предрасположенностью к защитным техникам любого рода, бабушка владела исключительно начальными техниками воды, но обладала пятым уровнем силы. Старший сын, мой дядя, – четверка с полным набором способностей мага-рыцаря. А отец родился единичкой с самой бесполезной и убогой предрасположенностью – к пустоте.

Его семья не отказалась от него, ему повезло: дедушка Норман, редкий добряк, был известен своим кредо: «Семья – все, Дом, финансы, политика – по остаточному принципу». Деда я помню не очень хорошо, но исключительно хорошее. Он любил и своих детей, и внуков, не расставляя приоритетов по уровню Дара.

Дед Норман сделал для меня все, что мог, еще до моего рождения. Отцу, родовитому, но никакому магу без перспектив, была сосватана сногшибательная во всех отношениях жена, и можно только догадываться, чего это стоило деду. Моя мать, внебрачная дочь Александра Сабурова, обладала потрясающим шестым уровнем и не имела предрасположенностей в наилучшем смысле слова: ей были покорны все стихии и большинство школ боевых техник. Стать завидной невестой, достойной кронпринца, матери помешал тот факт, что она родилась полукровкой-свартальвом. Ее великий Дар, унаследованный от матери, любовницы деда Александра, не сумел перекрыть этот недостаток, который в случае с политическим браком стал решающим.

Так что дед Норман для еще не существующего внука расстарался по полной программе. Сосватав своему сыну такую жену, он вполне резонно полагал, что их дети будут иметь огромные шансы унаследовать Дар своей матери. Увы, титанические усилия обернулись прахом.

Я заметил у двери трюмо и, подойдя к нему, взглянул на свое отражение. Удлиненное, аристократически-утонченное лицо да стройность – вот все, что выдает во мне четвертинку темной крови, ну еще подвижность, может быть. И на этом список полезных черт, унаследованных от матери, заканчивается. А в пассиве – вспыльчивость, для свартальвов весьма характерная. И все.

А в том, что касается магии, – я пошел в отца, полностью и бесповоротно. Убогий первый уровень – мой потолок, единственный уверенный «полезный» навык – зажигание свечи, единственная предрасположенность – пустота.

Но до десяти лет я и подумать не мог, что со мной что-то не так – пока были живы отец и дед Норман. Затем они погибли в автокатастрофе – и я стал балластом Дома еще до того, как высохли на моих щеках слезы. Мать, подняв свой уровень благодаря наилучшим учителям – хотя куда ж там выше? – удрала в Свартальвсхейм еще за четыре года до того, посчитав свою дальнейшую жизнь среди людей бесперспективной. Так что я остался сиротой.

Мои дядя и тетя поначалу относились ко мне хорошо, но их сын, мой двоюродный брат Томас, с годами становился все большим уродом, и в нашем конфликте новый глава Дома, мой дядя, предсказуемо принял сторону своего сына. В конечном итоге это кончилось, чем кончилось.

Каковы мои перспективы? В общем-то есть свои плюсы. Я могу стать лояльным членом Дома и делать то, что скажут. Спецшкола, где из меня сделают штурмовика, спеца по сетям или любого другого специалиста, в чьей работе важна верность, – не самый плохой вариант, если стану труднозаменимым профессионалом – получу привилегии, к примеру,

возможность отказаться от брака, который мне не нравится. Или, если не стану, меня сосватают какой-нибудь девице из другого Дома, которая окажется либо некрасивой, либо такой же бездарной, как я, и там, в чужом Доме, у меня по-прежнему не будет никаких прав.

В активе – достаток и роскошь, в зависимости от специальности – спокойная или не очень жизнь, какой-никакой статус в обществе... Так что все могло бы быть не так уж и плохо...

Но я всегда мечтал о свободе, а теперь еще и знаю, какая она – свобода.

Я снова подошел к зеркалу и приблизил к гладкой поверхности свое лицо, чтобы как можно лучше заглянуть себе в глаза.

Глаза – мои. Но такого взгляда у меня никогда не было. Бесконечно чужой – и вместе с тем такой знакомый и близкий. И чувство, будто я вижу собственный взгляд, но из чужих, непривычно широких глаз.

Я подошел к селектору на стене и нажал кнопку вызова.

– Камердинер слушает, – донеслось из динамика.

– Апартаменты Реджинальда Рэмма. Принесите бельевую веревку, будьте любезны.

* * *

Однако вместо бельевой веревки черти принесли сестрицу Анну. Она вошла, предварительно постучав, но не дожидаясь ответа, и оглянулась вокруг, отыскав меня глазами.

– Пришла поглядеть, как ты устроился, – объяснила она свой визит. – Что ж, будем знакомы. Я...

– Я тебя помню, сестрица Анна. К слову, хочу поблагодарить тебя за участие, но, на будущее, я не нуждаюсь в суфлерах. Особенно немых.

Анна – моя ровесница, дочь дяди Николаса, и в детстве мы с ней были довольно дружны. Мои о ней хорошие воспоминания основывались главным образом на том, что она, будучи прогрессирующим третьим уровнем с отличными перспективами уже в десять лет, никогда не выпендривалась передо мною, безнадёжной единичкой, в отличие от своих братьев, уступавших ей в одаренности и мастерстве. Ничего удивительного: сильные не выпендриваются перед слабыми, это удел слабых – форсить своей силой перед теми, кто еще слабее.

Анна на мою довольно едкую реплику ответила не менее скептическим выражением лица.

– Вижу, особого желания поладить хоть со своей новой семьей, хоть со мной у тебя нет, Реджи. Я тебя совсем другим помнила, но ты сильно изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз, и, кажется, ничему не учишься.

Я кивнул.

– Ты права, я не ставлю перед собой задачу непременно подружиться с кем бы то ни было. Даже с тобой, не восприми как колкость. И если мы поладим – то при условии, что твоих усилий на это будет потрачено не меньше, чем моих, насильно мил не будешь, знаешь ли, дружба и симпатии – это двустороннее явление. А вот что ты имела в виду, говоря, что я ничему не учусь – я не понял.

Анна сделала неопределенный жест.

– Плохо быть на ножах со своей семьей. Ты не ладил всего лишь с одним Томасом, я, правда, не знаю, чего вы не поделили и кто там виноват, но... Вспомни, чем это для тебя кончилось.

Я улыбнулся в ответ:

– Я-то жив и здоров. Ты лучше вспомни, чем это закончилось для него.

Проняло. Анна внимательно смотрела на меня несколько секунд, потом сказала:

– Не надо пускать пыль в глаза. Это не ты его убил.

– Ты права, – согласился я, – но есть кое-что, чего ты не знаешь. Я не убил Томаса по той простой причине, что опоздал. Статуэтка, которой якобы он был убит, – это моя статуэтка, и на место преступления принес ее я. Я собирался расколотить в его комнатах все, что представляло для него ценность, в первую очередь винтажные пластинки, а попадись мне под руку он лично – то и его тоже. Но – пришел, вляпался, офигел, поскользнулся...

– Хм... Как ты собирался с ним справиться? Он вроде как собирался уже сдавать испытание на третий уровень, нет?

– Мне на тот момент было все равно, ты же не думаешь, что я шел к нему со статуэткой совершенно спокойный такой и с планом в голове? Я не хладнокровный убийца, просто кровь темных альвов закипела. К тому же Томас ленился учиться и при своем втором уровне плохо владел техниками как атаки, так и защиты. Потому еще не факт, что смог бы что-то противопоставить грубому физическому удару. Но дело не в том.

В этот момент отворилась дверь и вошел камердинер Михаил, держа в руках моток.

– Ваша веревка, сэр. Простите за задержку – ходил в кладовую за новой.

– Спасибо, Михаил. Это все.

Он повернулся на пятках и вышел, притворив за собой дверь.

– Зачем тебе веревка? – подозрительно спросила Анна.

Хе-хе. Я раскусил вас, родственнички. Михаил конечно же заподозрил неладное и доложил, а сестрица пришла на разведку.

– Сейчас сама увидишь. Хорошо, что дед тебя сразу прислал, не пришлось просить слуг подсобить, а то они бы могли подумать лишнее. – Я взял с кровати подушку, приложил ее к мраморной колонне и сказал: – Вот так ее поддержи, пожалуйста.

Анна, держа подушку и глядя, как я приматываю ее веревкой к колонне, не утерпела:

– С чего ты взял, что меня кто-то прислал?

– Хочешь, я скажу, что подумали все, услышав про веревку? Что я осознал, что наговорил, ужаснулся и решил повеситься. Я прав?

– Хм... Да. К слову, ты реально с Александром Тимофеевичем перегнул палку.

– Нет, я ничего не перегибал. Просто не лицемерил.

– Ну тебе виднее, братец... Это... А зачем ты подушку привязал?

Я улыбнулся:

– Я люблю привязывать вещи в неожиданных местах. А беспокоиться, что я наложу на себя руки, не надо: если вдруг я решу сделать это, то уж точно в петлю не полезу. Задыхаться долго и мучительно – зачем оно надо? Еще ведь и снять могут успеть, и тогда начинай сначала. Бросок головой вниз из окна, а лучше с крыши – это куда надежнее. Хрясь – голова разбита, шея сломана. Две несовместимые с жизнью травмы, каждой из которых достаточно, и, что главное, любая из них убивает мгновенно. Никогда не понимал людей, которые лезут в петлю. Мазохисты, наверное. Кстати, это не единственный известный мне способ быстрого ухода из жизни.

– Знаток? Частенько об этом подумывал?

– Нет, – честно ответил я, – просто узнал случайно.

В самом деле, не читать же ей лекцию об отношении к смерти в Японии, стране, которую она себе представить не сможет.

– Ну ладно. В общем, осваивайся, обед, если что, тебе сюда принесут. – Она подошла к шкафу и открыла его так, чтобы мне было видно. – Вот тут у тебя так называемая домашняя парадная одежда. Вечером, скорее всего, тебе от совместного ужина отвертеться не удастся, потому что у Александра Тимофеевича к тебе есть разговор.

– Догадываюсь.

– Нет. Не о твоей выходке. Эта тема возникла еще до того, как тебя привезли из монастыря в пустыне. Переход аристократа из Дома в Дом – процесс порою сложный.

– Ладно, к вечеру я буду готов.

Когда за Анной закрылась дверь, я остановился напротив подушки, привязанной к колонне. Мне не выпало родиться сильным, но теперь я знаю, как сильными становятся. Я начал в четыре года с пятисот ударов...

Стоп. Внутреннее противоречие. Я знаю, как стать сильным, или я становился сильным, начав в четыре года? Это говорит во мне память Такаюки Куроно, мастера из другого мира, или это я сам и есть?

Чуть поразмыслив, внезапно понял, что и Такаюки, и Реджинальда все устраивает: у Реджи Рэмма теперь имеется учитель «с того света», а у мастера Куроно появился новый ученик. Так что я больше не буду заниматься самокопанием, приму как аксиому, что меня зовут Реджинальд Рэмм в этой жизни, а в прежней звали Куроно. Пусть все будет, как есть.

Снова смотрю на подушку, подсчитывая в уме. От начала в четыре до убийства свиньи одним ударом – восемь лет тяжелых тренировок, от пятисот ударов и дальше по нарастающей. Но четыре – возраст, когда организм податлив и находится на пике приспособляемости. Я же начинаю – или заново начинаю? – не важно, впрочем, на двенадцать лет позже, когда лучшие годы для тренировок упущены. Что ж, чтобы догнать мастера Куроно к двадцати годам, я должен начинать с двух тысяч ударов... Господи, я всерьез подумал об этой цифре?! А ведь потом и возрастание пропорционально...

Медленно, чтобы прочувствовать движение, выполняю сэйкэн-цуки. Удар мастера Куроно идеален, ведь я выполнял его в той жизни бесчисленное множество раз и отточил до совершенства. Да, догнать отставание в двенадцать лет будет очень трудно, если вообще возможно, но все же сейчас у меня тоже есть определенная фора. Десятый прижизненный дан.

Я выполняю в замедленном темпе ката «Дзиттэ». Медленно – потому что нет ни силы, ни сноровки, ни скорости для правильного выполнения. Однако все движения знакомы и выполняются так естественно, словно они в моем ДНК закодированы, по-другому это не назвать. Рыба не учится плавать. Я не в состоянии продемонстрировать даже простейшие элементы, однако главный момент в том, что техникой я владею и так. Мне не понадобится наработать мастерство десятки лет, оно у меня уже есть. И потому я сберегу массу времени на том, что не буду работать над техникой. С этой точки зрения намерение догнать физическую форму мастера уже не выглядит таким безнадежным, потому что время, потраченное в прошлой жизни на изучение техник, в этой я потрачу на закалку тела.

Устремляю взгляд на мишень-подушку, выбрасываю вперед кулак. Удар в высшей мере жалкий, но он – первый.

Конечно, у любого наблюдателя со стороны будет повод посмеяться вволю. Что такое искусство рукопашного боя в мире, где боевые маги пятого-шестого уровня способны в считанные секунды расправиться со взводом отлично экипированных солдат?! Казалось бы, пшик и только...

Но другого способа стать сильнее я не знаю.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

* * *

Как и предупреждала Анна, вечером мне пришлось ужинать с дедом. Правда, это было не совсем семейное мероприятие, так как ужинали мы вчетвером: я, Александр Тимофеевич, господин Уэйн и еще один, совершенно незнакомый мне человек.

К слову, эта манера людей из восточных краев использовать при обращении имя собеседника и видоизмененное имя его отца мне всегда казалась старомодной. На Севере и Западе подобные обычаи канули в Лету, и услышать имя вроде «Вольфганг Йоганн Реннер Бах» можно лишь на строгих официозах. А в повседневной жизни прибавляют имя предка к

своему только восточники. В ближайшем заграничье такая манера осталась разве что в Берберском Халифате, там тоже всюду применяется «ибн Хассан». Новый мир во многом похож на старый: тут те же народы – арабы, европейцы, славяне... Интересно, есть ли японцы?

Обедали мы на балконе, откуда открывался неплохой вид на город в целом и Заречье в частности. Слуги, которыми руководила София Александровна, дочь дяди Александра, уже вполне взрослая двадцатилетняя леди, подали первое, второе, десерт в ассортименте и напитки. Короткий миг я чувствовал себя сильно не в своей тарелке, сидя – да, снова каламбур – перед большой тарелкой мясных щей. Это взбрыкнула память из прошлой жизни, напомнив, что в Японии подают много разных блюд малыми порциями, а не два блюда здоровенными тарелками. Впрочем, я не в Японии, да и к обычаям, царящим в Доме Сабуровых, привычен с детства.

В самом начале обеда мне представили незнакомца – это оказался Петр Николаевич Беляев, глава организации, которая играла роль одновременно службы безопасности, внешнеполитической, в масштабах Домов, разведки – и контрразведки, внутренней и внешней.

А затем разговор пошел на все темы подряд, кроме серьезных. Единственным намеком на серьезную беседу стал вопрос Петра Николаевича:

– Реджинальд, а что, в Доме Рэммов вас обучали использованию холодного оружия и рукопашному бою?

Опа, вот и первый скользкий вопрос. Либо охрана у ворот в монастыре рассказала, либо там еще и видеокамеры были, я же не присматривался на этот счет. Как я разделал того мертвяка с саблей, можно было заметить со стены, к тому же я пришел к воротам уже вооруженный, значит, меч я у кого-то отобрал, логично. Или проще – пошли по моим следам и нашли второго покойника, разделанного его же собственным оружием. С другой стороны, Реджи Рэмм меча в руках сроду не держал, до того, как в пустыню попал, и это, чисто теоретически, проверить можно, ведь я не знаю возможностей Петра Николаевича по части получения информации из чужого Дома, а попасться на лжи очень не хочется. Ладно, лучшая защита – нападение.

– Так это и есть тот серьезный разговор, о котором меня предупреждали? – Я постарался, чтобы в моем голосе звучало любопытство.

То ли Петр Николаевич профессиональный дознаватель и распознал мой ответ именно как уход от ответа, то ли мне показалось, что он насторожился?

– Нет, профессиональное любопытство. Четкое отсечение головы одним ударом, а перед тем еще и разрубание черепа, тоже чистое – это признак определенного мастерства, знаете ли, не говоря уже о том, что первого мертвеца вначале обезоружили.

– И что с того? Я вас еще больше удивлю сейчас. Это второй и третий противники. С первым я в пещере встретился, в состоянии крайнего изнеможения, у него была электродубинка, а у меня два ботинка, снятых с трупа. И что? С господней помощью как-то справился. Могли бы и сами догадаться, что Он не дал бы погибнуть невинному.

Шеф СБ почесал затылок.

– Логично. Я, правда, с трудом представляю себе способ божественного вмешательства в наш бренный мир – никогда с этим не сталкивался, знаете ли.

Я пододвинул к себе тарелку с биточками и отправил один в рот, всем своим видом показывая, что тема исчерпана. Тут появились слуги и убрали грязную посуду.

Как только все перешли к биточкам и салату, Александр Тимофеевич сказал:

– В общем, надо утрясти некоторые вопросы. Реджинальд, ты в курсе, как обстоят дела с активами твоего отца, проще говоря – твоим наследством?

Я напряг память.

– Да, припоминаю что-то такое.

– Когда твой дядя Вольфар изгнал тебя и отдал под суд, твою собственность, которую Дом опекал до твоего совершеннолетия, он конфисковал. Однако теперь, когда твоя невиновность доказана господом, эта конфискация незаконна. Что ты думаешь об этом?

Вся собственность эта, если меня не подводит память, – акции в паре мелких предприятий, потому что отец в финансовые дела Дома был вовлечен не как совладелец, а как руководитель с высоким жалованьем в процентах от дохода. То есть там нечего было передавать в наследство, а пакеты акций он приобрел сам. Не бог весть какое богатство.

– Дедушка Александр, я хотел бы вам напомнить, коли вы запомнили, что с меня только утром бинты сняли, а предыдущую пару дней я провел под капельницей в медотсеке автобуса. Вы всерьез полагаете, что я в перерывах между медикаментозными вливаниями и забытием размышлял о финансах?

Господин Уэйн, тихо-скромно вкушавший телятину, сделал робкую попытку поперхнуться, к счастью, ему это не удалось. Так, надо слегка прикрутить свою иронию в адрес деда, а то душеприказчик отца еще подавится, чего доброго.

А дед конечно же остался непробиваемым.

– Ну а я не лежал, потому успел подумать. Если Вольфар Рэмм не отдаст акции добром, будем судиться. Дело, надо полагать, станет затяжным, даже несмотря на то, что я подключил своих лучших адвокатов, так что, хотя тебя будет представлять господин Уэйн, не исключено, что в суде появиться придется. А после ужина он даст тебе на подпись все необходимые документы.

Хм. Вот это уже немного любопытно. Вышвырнув меня как преступника против Дома, дядя Вольфар вполне законно мои активы конфисковал, однако теперь он обязан их вернуть. При этом я, войдя в другой Дом, сохраняю свои активы, извне принесенные, в личной собственности. Вопрос: какое дело деду до моих грошей, если он ворочает колоссальными средствами? Там одни адвокаты обойдутся в состояние, потому что у Сабуровых кто попало не служит. Где подвох? Почему он говорит, что дело намечается затяжное, если дяде Вольфару проще отдать мне акции без суда, который я выиграю даже без дедовских адвокатов? В самом деле, я иду на прием в императорскую канцелярию и, как малоимущий дворянин, пишу прошение о высочайшей защите. Мне выделяют обычного стряпчего – ну как обычного, там тоже работают профессионалы, разве что мне выделяют не самого-самого, точнее, самого-самого, но снизу, – и этот стряпчий без проблем выигрывает суд... Которого не будет, потому что дядя Вольфар, понимая всю безнадежность дела, вернет мне акции до суда, не дожидаясь решения, которое гарантированно примут в мою пользу.

Так что тут не может не быть подвоха. Простейшее предположение – адвокаты умышленно затянут дело, а счет за их услуги дед попытается всучить мне. И опаньки, я уже без активов и завишу от Дома Сабуровых пуще прежнего. Это как вариант.

Я приподнял бровь:

– Затяжное дело? Там акций-то – кот наплакал. Оба предприятия – мелкие, и не контрольный пакет. И потом, я сильно сомневаюсь, что мне нужны ваши хваленые рыцари иска и жалобы. Даже больше – теперь дядя Вольфар знает, что я не убивал Томаса, и у него нет причин ненавидеть меня и ставить палки в колеса. Уверен, что он вернет мне все без суда.

Дед покачал головой:

– Не вернет.

– Он вам так и сказал?

– Я его знаю. Акции он тебе по-хорошему не отдаст.

– Я тоже его знаю, дедушка. Хотите пари? Я позвоню дяде Вольфару, и мы решим это дело. Скорее всего, обойдется без суда.

Внезапно подал голос Петр Николаевич, и его фраза стала для меня довольно неожиданной:

– Вы недооценили внука, Александр Тимофеич... Это не простое упрямство, а совершенно осознанное сопротивление, верно, Реджинальд?

– Естественно, – кивнул я, – не люблю, когда со мной играют втемную, знаете ли.

Дед хмыкнул:

– А игра в общем-то не с тобой, внук... Рэмм не отдаст тебе акции по-хорошему и будет упираться любыми средствами... ты ведь понятия не имеешь, что это за акции, не правда ли?

– Правда. Не имею.

– Одно предприятие – сборочный цех, там собираются кое-какие электронные комплектующие, которыми позже оснащается вся автомобильная продукция концерна, где Дом Рэммов – один из акционеров. Оно само по себе бесполезно, потому что его перепрофилировать невыгодно. И акций там не контрольный пакет. А вот предприятие, где производят руны, которые идут на изготовление противостихийной защиты в «Универсальном производстве Рэммов», – совсем другой разговор. Оно очень маленькое, и прибыль не фонтан, но без него Дом Рэммов будет вынужден закупать руны у сторонних поставщиков втридорога. И тебе принадлежит пятьдесят восемь процентов акций.

– И вы, дедушка, решили вставить палки в колеса Вольфару?

– Сообразительный малый, – расцвел Александр Тимофеевич, – такую возможность грех не использовать.

– Спасибо на добром слове, но вы второй раз наступаете на одни и те же грабли, – сказал я, – а именно – забываете спросить мое мнение. Увы и ах – но вы не получите ни акций, ни предприятия, все это останется у дяди Вольфара, а я просто договорюсь с ним о выплате компенсации.

Вот тут деда слегка подвел его великолепный самоконтроль. Он забарабанил пальцами по столу, и я мог только догадываться, какая буря клокочет под маской видимого спокойствия. Шутка ли – нахальный бесправный «младший» после своего словесного демарша вздумал еще и на деле поперек воли главы Дома пойти.

– И чем же ты аргументируешь такое свое решение, Реджинальд? – несколько помрачнев, спросил дед.

– Аргументы? Пожалуйста. Если смысл моего включения в ваш Дом был именно в акциях, то не дать вам их – простейший путь на волю. Это раз. Я не испытываю ненависти к дяде Вольфару и не намерен усложнять ему жизнь – это два. И третье – повторяюсь, я не считаю вас родней, не рад, что вы запоздало заявили на меня свои права, и не намерен ни в чем сотрудничать ни с вами лично, ни с вашим Домом, если это не будет совпадать с моими собственными интересами. И если вдруг вы подумывали о церемонии присяги – даже не надейтесь. Я вам ни за что не присягну. Так что, давайте уж начистоту, плюс одна запись в геральдическом реестре боевых магов будет стоять вам совершенно нелояльного члена в Доме, который обязательно вставит вам палку при первой же возможности в колесо или куда уж получится. Ввиду всего сказанного – может, вы откажетесь от прав на меня и мы разойдемся по-человечески?

Взгляд деда метал молнии почти в прямом смысле слова, но голос прозвучал почти весело:

– Ба, Реджи, да ты никак войну объявить решил? От недостатка самоуверенности в организме ты точно не умрешь.

– Мои силы, может, и невелики, но в пустыне я научился кое-чему. Как не сдаваться.

– Реджинальд, – вмешался Петр Николаевич, – я верно понимаю, что вы вините Александра Тимофеевича в невмешательстве в суд и следствие?

– Виню? Ни в коем случае. Просто понял, что он мне не родной человек. Ну а какой может быть спрос с чужого?

– Тут вы не правы. Можем прямо сейчас поехать в мой кабинет – там в ящике стола лежат копии всех документов по вашему делу. Я и моя команда по распоряжению Александра Тимофеевича следили за процессом от и до, выискивали любые зацепки. Но взглядом правде в глаза – против вас были все улики. Масса. Там без Божьего суда при любом раскладе не получилось бы обойтись, даже церберы-крючкотворы могли бы только затянуть дело, но не изменить итог. Так что вмешательство наше ничем бы не помогло, только лишние осложнения.

Я пожал плечами.

– Беспольный или нет, но это был бы поступок родни. Вы, Александр Тимофеевич, и ваши сыновья – вот три главных человека в этом Доме, каждый мог бы повлиять на остальных и заступиться за меня. Никто не заступился. Какая вы после этого родня? Так что даже если моя нелояльность Дому еще может каким-то образом пройти, например, если я женюсь на кузине Анне – сугубо умозрительно, конечно, ведь вы же ни за что не отдадите ее, прогрессирующий четвертый уровень, за безродного неудачника вроде меня, которого и так считаете своей собственностью, – то вы трое все равно останетесь мне чужими. Даже будь вы мне родней по линии жены – я никогда не забуду, как меня бросили умирать в пустыне. И потому акции я вам не отдам.

– Вообще-то я собирался их у тебя купить.

– Тогда пункт номер три не актуален. Но первый и второй никуда не делись, потому – не продается.

В этот момент шеф СБ откинулся на спинку кресла и издал смешок:

– Что ж, мне остается только вернуться в офис и уволить пяток дилетантов...

– Это кого же?

– Спецов наших штатных, которые составляли на вас психологическую модель... Она разительно отличается от того человека, которого я вижу. Диаметрально причем.

Я пожал плечами:

– Не их вина. Малыш Реджи, на которого они составили модель, умер в пустыне. Я совершенно другой человек, что вы сами и заметили. Так что, дедушка? Разговор закончен и я могу удалиться? В свои комнаты или вообще из поместья?

Дед внезапно тяжело вздохнул.

– Да, давно я так не лажал, – сказал он, не обращая ни к кому конкретно. – Зря я вообще начал разговор про эти чертовы акции... В общем, не они были главной темой для беседы...

– И что же в таком случае?

– Томас Рэмм. Точнее, его смерть. А еще точнее – его убийца. Преступник – тот, кому это выгодно, и мы с Петром Николаичем уже голову сломали, пытаюсь понять, кому и в чем была эта выгода.

Я скептически покачал головой:

– Все, что я знал, – рассказал следователям, и не один раз. А Петр Николаевич вроде как копии в своем столе держит. Без понятия, что тут еще прибавить.

– Об этом чуть позже... Господин Уэйн, надо думать, ваши предполагаемые обязанности внезапно... испарились, так что...

– Секундочку, – вмешался я, – обязанности остались, ведь вам по-прежнему необходимо добиться от моего дяди согласия вернуть акции в мою собственность. Правда, я это сделаю, скорее всего, раньше вас, но официальный ход делу дать надо.

– Будет сделано, – кивнул тот.

– Премного благодарен. У меня все в таком случае.

Дед сделал знак дежурящему внутри дома слуге, тот немедленно вышел на балкон.

– Иван, проводи господина Уэйна в буфет и должным образом угости, а потом распорядись, чтобы его отвезли домой или куда ему будет угодно.

– Слушаюсь.

Душеприказчик откланялся, поблагодарил за гостеприимство и ушел, на балконе мы остались вдвоем.

Шеф СБ прокашлялся.

– Итак. В смерти Томаса была определенная выгода многим людям, каждому своя, в том числе и вам, но потенциальные проблемы в виде обвинения и суда заведомо перекрывали тот плюс, что он перестал бы вас изводить. Однако я могу с ходу назвать по меньшей мере четырех человек, которым смерть Томаса Рэмма весьма выгодна.

– Дайте угадаю... Его мачеха, тетя Маргарет, – без сомнения, но остальные...

– Ваши двоюродные сестры, его единокровные. Им выгода почти та же, что и их матери.

Я недоверчиво покосился на него:

– Лина и Мина? Убийцы? По-моему, вам все же стоит кого-то уволить, потому что сестрички вряд ли могли бы убить.

– А я и не утверждал, что они убийцы. Просто сообщил, что у них была прямая выгода в смерти старшего брата, и знаю, что они технически могли бы осуществить убийство Томаса, подставив вас.

– Глупость, если честно. Вас послушать – так Дом Рэммов прямо кишит людьми, способными убить одного родственника и подставить другого... Лина и Мина – из тех людей, которые на холодный расчет не способны, они больше эмоциями думают, так сказать... Они никогда не ссорились с Томасом, Томас их не обижал. Да, они к нему горячей любви не испытывали, как и ко мне, но убийство?!

Петр Николаевич кивнул:

– Конечно, не обижал. Ему хватало вас. Однако презрение Томаса к слабосильным ни для кого не секрет, и сестры прекрасно понимали, что, если вы куда-то исчезнете, – они на очереди следующие, и когда Томас станет главой Дома – все будет еще хуже. Вам, кстати, известно, что у Лины и Мины коэффициент интеллекта – за сто шестьдесят?

– Они умные, да. Хотя не знал, что настолько. И мне все еще трудно представить себе Мину, которая бьет кого-то по голове статуэткой...

– Бесспорный факт, что убийство не могло произойти без помощи кого-то из своих. Даже если убийца не из своих, он должен был как-то узнать, к примеру, о ваших взаимоотношениях с Томасом, без этого невозможно составить план убийства с подставой.

Я только развел руками:

– Так об этом знали все кому не лень. С тех пор как близняшки перестали ходить в школу, заменив учителей приходящими преподавателями, усадьба стала проходным двором. Кстати... вы говорили о четырех.

– Четвертый – это парень, который соперничал с Томасом из-за девушки. Они оба учились в одном университете, Томас на первом курсе, его соперник – на втором.

– А это уже реальнее. Парень, столкнувшийся с конкурентом, – вовсе не спокойные уравновешенные девочки. Главный вопрос: а какого, простите, черта вы вспоминаете об этом сопернике только сейчас, а не на суде?

Шеф СБ внимательно посмотрел на меня:

– Сказать честно?

– Желательно.

– Я не рассматривал такую версию ранее, так как был уверен в вашей виновности, – признался он. – Соответственно все варианты разбирались исключительно с точки зрения задачи «вывести из-под удара виновного». И только когда было получено свидетельство все-

ведущего, начали прорабатывать другие версии. Должен сказать, что подстава была организована и выполнена мастерски, и даже есть мнение, что преступник имел доступ к системе видеонаблюдения усадьбы. Впрочем... меня главным образом интересует один-единственный вопрос.

– Какой? – спросил я.

– Мне необходимо знать, как... мм... произошел ваш переход от спокойного состояния до гнева, который заставил вас пойти к брату с тяжелым предметом в руках. Точнее – причина.

Я вздохнул.

– Как вы знаете, я учился в восьмой благородной школе, последний класс, это в трех километрах отсюда. Томас закончил ее на год раньше, но у него там остались приятели. А я как раз перевелся туда. Так Томас догадался зайти на школьную сетевую страничку для общения и слил туда кое-какие мои детские фотографии, из-за чего я запросто мог стать жертвой насмешек. Когда я увидел это, меня взбесило, что Томас даже в школе не дает мне жить спокойно. Взял статуэтку и пошел.

Петр Николаевич наклонился вперед:

– Вы сами обнаружили эту информацию или вам о ней сообщил кто-то из одноклассников, скажем? Это важно.

– Мне сообщил одноклассник, Лех Яблонский.

– Ну вот, как я и говорил, – сказал шеф СБ деду, – последний контраргумент устранен.

– А о чем вообще речь? – поинтересовался я.

– Я выдвинул, помимо основной, еще и дополнительную версию. Первая заключалась в том, что преступник просто убрал Томаса, и если это был его соперник – ему не требовалось бы вас подставлять по большому счету. Убийство и ваше желание дать брату по мозгам могли просто совпасть. Дополнительная версия заключается в подставе, но и тут есть два варианта. Первый – что целью был Томас. Второй – что вы. И теперь последний спорный момент мы знаем. Вот мое видение: информацию, вас неприглядно выставляющую, слил не Томас на самом деле, а кто-то от его имени, возможно взломав его доступ в школьную сеть. Затем Лех Яблонский сообщает вам о ней в нужный момент, как раз когда Томас уже мертв, вы берете статуэтку и идете в его комнаты. И все сыграно как по нотам.

Я кивнул, соглашаясь, и заметил:

– Тут тоже есть слабые места. Лех вообще-то очень порядочный парень из хорошей семьи, ну вы и сами это знаете. Он в буфете на переменах покупает сосиски, хотя сам мяса не ест, только рыбу, и выходит во двор кормить бездомных кошек. Я его другом считаю и не могу представить, что он замешан в такой подлости.

– Он мог быть слепым орудием. Ему говорит приятель: «Лех, гляди, тут на Реджи такие фотки уморные выложили». И он, ужаснувшись, поспешил предупредить своего друга о том, какую пакость ему сделали. Ловушка захлопнулась.

– Второе слабое место – Лех мог и не сообщить об этом вовремя. Наконец, я мог и не всkipеть от гнева и не пойти бить Томаса.

Шеф СБ пожал плечами:

– Это минимальные сложности. Не сообщил Лех – так он не единственный ваш одноклассник, приятели у вас имеются и помимо него. А если б не пошли со статуэткой – не проблема, вас не застали бы на месте преступления, но это всего лишь на одну-две улики меньше. А улики против вас имелось немало.

Я потянулся к бокалу с лимонадом и промочил горло.

– Петр Николаевич, все это звучит складно, но остается главный вопрос: а кому оно надо? Кому малыш Реджи, уступчивый и неамбициозный, мог дорогу перейти?

– Сам по себе – никому. Дело во все тех же акциях. Мне Сэнфорд, экономист, служащий Александру Тимофеевичу, растолковал кое-какие моменты. Рунное производство само по себе не очень доходное по меркам богатых Домов, но все же доходное. Это раз. Второй момент заключается в том, что оборудование, которым это предприятие располагает, весьма дорогое и достать его очень проблематично. Ваш покойный отец приобрел его по дешевке, использовав редкую возможность и провернув для этого крайне сложный многоходовый договор. Ситуация такова, что, несмотря на всю малорентабельность предприятия, оно играет ключевую роль. Создать такое же конкуренты не могут, им выгоднее закупать аналогичную продукцию втридорога, чем городить собственное производство с большими капиталовложениями. А Дом Рэммов благодаря этому производству выпускает товар, в основном элементы персональной защиты, которые незначительно превосходят продукцию конкурентов, но идут по привлекательной цене. И потому УПР в некоторой степени лидирует на своем сегменте рынка. Если рунное предприятие уведут – концерн УПР будет вынужден закупать комплектующие, как это делают все, и его товар потеряет свое небольшое, но превосходство. А конкурент, завладевший вашим пакетом акций, вырвется вперед. Так что тут дело не в банальном доходе заводика на пятьдесят душ персонала, а в переделе рынка как минимум в масштабах Аквилонии, допускаю, что и ближнего зарубежья тоже.

Я понимающе кивнул:

– В таком случае подозреваемых вагон и малая тележка. Организатором операции может оказаться не только конкурент, но и вообще любой авантюрист, потому что, получив пакет, сможет выручить за него гораздо больше, чем прибыль с предприятия, при этом и Дом Рэммов, и конкуренты будут вынуждены наперегонки предлагать максимальную цену.

– Именно.

– Но тут неувязочка. Меня подставляют, дядя Вольфар забирает мои акции. Вариант, что он и есть преступник, я исключаю – он бы не пожертвовал для этого своим сыном, более того, он мог бы просто договориться со мной, у него не возникло бы с этим ни малейшей проблемы. Так как, скажите мне, злоумышленник планировал наложить руки на акции?! Он не мог предвидеть, что я внезапно решусь на Божий суд и буду оправдан.

– Рискну предположить, что организатор планировал аккуратно сдать исполнителя. Вас бы оправдали, но вы уже на улице, одинокий сирота без дворянства. Дальше не составило бы труда получить у вас акции за небольшую сумму и помощь. Вплоть до того, что Дом злоумышленника, если он состоит в каком-либо Доме, мог бы предложить вам перейти к ним и обрести защиту и утраченные дворянские привилегии. Правда, преступник не учел, что Дом Сабуровых внезапно заявит свои права. Таким образом, вы все равно остаетесь потенциальной мишенью.

Я снова отпил из бокала.

– В таком случае я рискну высказать вполне себе имеющую право на жизнь версию. Преступник, провернувший подобную комбинацию, наверное, не дурак, он должен был бы понимать, что Дом Сабуровых своего не упустит и из затеи ничего не получится. Потому мне видится совершенно логичной версия, что наиболее вероятный злоумышленник – не кто иной, как тот, кому вы, Петр Николаевич, служите.

Вот тут уже дед возмущенно засопел, да и профессиональная маска эсбэшника дала трещину, а я продолжил, словно не замечая сгущающихся над головой туч:

– В самом деле, дедушка, вам выгода двойная. Не знаю, что вы с дядей Вольфаром не поделили, но так вы можете одновременно и ему насолить, и в прибыли остаться. Преступник тот, кому это выгодно, верно?

Дед помолчал и внезапно сказал:

– Мы не поделили тебя. Ты можешь относиться ко мне как угодно, но я всегда относился к тебе как к внуку. И твой отец был мне как родной даже после того, как... твоя мать

сбежала и та ниточка, которая формально связывала наши Дома, оборвалась. Я предлагал ему перейти в Дом Сабуровых вместе с тобой, я бы решил все возникшие проблемы и покрыл все издержки... И с Норманом мы были друзьями... А когда их обоих не стало, твой дядя Вольфар, который тоже всячески показывал, какая мы родня и какие союзники, внезапно сделал поворот на сто восемьдесят. Уж не знаю почему, это дело его личное... Но он полностью прервал любые контакты между Домами... Я не люблю, когда у меня отбирают мое. Особенно если внука.

– Я бы прямо сейчас слезу обронил, – вздохнул я, – но даже если все это чистая правда... Вы и сами понимаете, что некоторые ошибки исправить невозможно.

– Знаю. Тут уж ничего не попишешь, лажанул – значит, лажанул. Но проблема никуда не делась. Пока у тебя акции – ты потенциальная мишень, причем у очень изобретательного «стрелка». И стать сейчас безродным для тебя – равносильно тому, чтобы стать жертвой.

– Именно поэтому я и верну акции дяде Вольфару, это автоматически выведет меня из-под удара.

– Мудро. Правда, тут есть одна проблемка, внук. Тебе шестнадцать, и продать, отдать, подарить, обменять акции ты не сможешь, пока тебе не стукнет двадцать один. И господин Уэйн заключать подобные сделки от твоего имени не вправе. Единственный законный вариант – ты можешь передать свои активы в управление своему Дому, но этого ты не сделаешь. Так что выход у нас только один: остаешься в Доме Сабуровых до своего совершеннолетия, избавляешься от акций любым способом – и после этого я тебя отпускаю. Аннушке, ты верно заметил, насильно мил не будешь.

Пять лет. Ну что ж, если дед сделает, как сказал, то это приемлемый вариант... Проклятые акции, чтоб их, лучше бы папа акции какого-нибудь ресторана купил...

– Ладно, как говорится, и на том спасибо. Насчет вероятного убийцы – а есть возможность как-то проверить? Покопать там, уж не знаю, как это делается у профи...

– Маловероятно, – покачал головой Петр Николаевич, – соперник Томаса, если речь о нем, тоже из знатного Дома, так что там покопать не удастся, не считая проверки общедоступной информации вроде записей камер наблюдения на улицах. Но надо понимать, что он вращается в своей же среде, то есть и его знакомых и подружек мы допрашивать тоже не можем, они с нами и говорить не будут. А веского повода для подключения полиции нет, потому что все изложенное – не более чем моя гипотеза, не подтвержденная ровно ничем.

– Жаль, – сказал я и зевнул. – спасибо за ужин и беседу, но что-то меня снова в сон потянуло. Многовато нагрузки для болезного, который только нынче от бинтов и капельницы избавился.

Я откланялся и вернулся в свои апартаменты.

Итак, надо как-то прожить пять лет. В принципе это перспектива куда как лучше, чем, допустим, женитьба на ком велят, в любом случае я и так несовершеннолетний, а Аквилония, насколько я могу судить, страна довольно развитая и благополучная. Быть беспризорником, как в Токио в тысяча девятьсот сорок седьмом, мне не страшно – знаем, проходили – да только тут не послевоенная Япония, останусь без опеки Дома – упекут в приют на раз два... Если, конечно, в моей голове не перемешались воспоминания Куруно о Штатах из того мира и воспоминания Реджинальда об Аквилонии. К тому же хоть душа рвется на свободу, надо внимать голосу собственного разума: в послевоенный Токио приехал тринадцатилетний подросток, закаленный лишениями с детства, который к тому времени был способен убить кулаком свинью, да и человека, надо думать, тоже. Он мог постоять за себя в любой драке, даже против взрослого. Окажись на его месте нынешний я, хлипкий и слабый, – мои дела были бы намного хуже. Я получил время на самоподготовку, и разумнее всего им воспользоваться, не создавая себе новых проблем. Если дед не врет – конфликт практически исчерпан, кем-кем, а треплом я его назвать повода не имею.

Тут я подумал, что надо бы связаться со старыми товарищами, Лех, наверное, переживает за меня, и подошел к компьютеру, стоящему на столе в комнате, которая вроде бы должна служить мне кабинетом.

Компьютер имел довольно архаичный дизайн, несколько отличающийся от того, что я видел в том мире. Корпус горизонтальный, монитор плоский, но какой-то толстоватый. Смотрю и испытываю дикий диссонанс: он кажется мне одновременно и чудом техники, и раритетом, привычным и непривычным. Должно быть, для мастера Куроно любой компьютер – чудо техники, а вот Реджинальд, сравнивая строгие функциональные системные блоки из того мира и старомодно выглядящие, стилизованные под антиквариат компьютеры из этого, видимо, делает выбор в пользу строгого стиля.

Тряхнув головой, отбрасываю эти размышления. Компьютеры – не единственные вещи, кажущиеся одновременно знакомыми и странными, автомобильный дизайн тут тоже другим путем пошел, так что просто надо привыкнуть. Главное – польза, и я так думаю, что в комнате дворянина из знатного Дома будет стоять далеко не самый плохой компьютер.

Загрузился он быстро. Надо будет потом заглянуть, что там за начинка, а пока – связаться с... Ага, щас, вот прям уже и два раза. Сетевой идентификатор – символьная строчка длиной в тридцать с чем-то знаков, и само собой, что номер Леха я не помню, точнее – никогда не знал, ввел с бумажки один раз, и все. И доступ на школьный сайт у меня открывался из усадьбы Рэммов, и реквизитов доступа я тоже не помню, они у меня были на бумажке записаны. Вот же блин, как много всего нужного осталось там, а тут такое чувство, словно с чистого листа начинаю...

Хе-хе. Вот уж смешная жалоба от того, кого занесло в чужое тело в параллельный мир.

Ладно, с Лехом я свяжусь иначе. Выход в сеть, геральдическое министерство Аквилонии, Дома... Дома... Яблонские. Две ветви. Лех же из второй вроде был... Сетевой адрес. Приемная Дома, так, отправляю письмо. Запрос контактов от Реджинальда Рэмма, в прошлом Дом Рэммов, нынче из Сабуровых, адресовано – Леху Яблонскому.

Что ж, осталось дожидаться либо официального ответа канцелярии, либо самого Леха. А пока...

Встаю из-за стола, подхожу к подушке. Мы с ней знакомы всего полдня, но частичка прежнего малыша Реджи уже ненавидит ее сильнее, чем Томаса. Так, на чем я остановился? Восемьсот восемьдесят. Снять с себя парадный наряд, стать в стойку... осталась одна тысяча сто двадцать. Мозг в ужасе, малыш Реджи в истерике, а руки... руки делают.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

* * *

До двух тысяч я недотянул где-то триста ударов и завалился спать, не особо этим обескураженный: все-таки в первый день такой шок – да для непривычного к нагрузкам тела. Руки ломит жутко, ноги тоже, но лиха беда начало. Мышечная крепатура – верный признак, что нагрузки сильно перевалили за лимит, а значит, я стал сильнее. Привыкну, наверстаю. А пока – выспаться хорошенько и во второй половине дня снова за тренировки.

Но этому плану не суждено было сбыться, потому что я проснулся от того, что кто-то бесцеремонно меня тормошил.

– Вставай! – громко сказали прямо над ухом.

Я с трудом разлепил глаза, пытаюсь понять, кто это вторгся в мои апартаменты, – и похолодел.

Надо мною стоял высокий мрачный тип с длинным лицом, темно-серой кожей, белыми волосами, прижатыми к голове чуть заостренными ушами и сверлил меня злым взглядом красных глаз.

Свартальвы?! В столице Аквилонии?! Уже?!!

Я хотел было закричать как можно громче, предупреждая всех о нападении, но тут заметил на его рубашке – не военного, а скорее спортивного покроя – вышитый значок Дома Сабуровых.

– Ты еще кто такой?! – опешил я.

Свартальв улыбнулся мне ласковой улыбкой питбуля и ответил:

– А ты сам-то как думаешь, четвертинка? Я – К’арлинд, твой тренер, наставник и палач!

И не глазей, а вставай, пока я тебе не помог.

– Тренер чего?!

– Магии, чего же еще?

Я фыркнул.

– Не знаю, чья это идея, но тренировать единичку – глупость несусветная...

Чертов свартальв вместо ответа наклонился, взялся руками за нижний край кровати – и вот я уже на полу. Сильный, мерзавец.

– Ты что творишь?!

– Я сказал – вставай. А теперь одевайся, умывайся, и быстро. Впрочем, если хочешь, можешь и в исподнем тренироваться, мне все равно.

Вот тут во мне уже начала закипать злость. Я все же дворянин, как этот нахал смеет так себя вести по отношению ко мне?!!

– Это дед тебя прислал?!

– А я и не знал, что ты так догадлив.

Все понятно. Дед про родню и внука бухтел-бухтел, но моего выпендрежа не простил. Надо что-то делать с этим новоявленным тренером.

– Ладно, – пробурчал я, – ща оденусь...

– И поживее, четвертинка.

– А не слишком ли много слуга себе позволяет по отношению к члену благородного Дома, которому служит?! Где твое уважение?! – не выдержал я.

– Не хочу показаться невоспитанным, но с какой стати я должен тебя уважать?

Клянусь, он сказал это с теми же интонациями, с которыми я вчера то же самое говорил деду. Все понятно, тихой жизни мне тут не видать.

– Так это дед тебя послал надо мной поиздеваться? – уточнил я.

– Твой дед послал меня тебя тренировать и учить. Все остальное – моя инициатива. Если вдруг тебе слова знакомыми показались – так я просто видел видеозапись, где ты перед дедом упражнялся в острословии. Слабовато, прямо скажем, но именно эту фразу я себе в цитатничек записал. Вот и пригодилась сразу.

М-да... А вот и мой тренировочный костюм в шкафу.

– Я не знаю, кем надо быть, чтобы дать свартальву доступ к серверам видеонаблюдения, – пробурчал, натягивая штаны.

– А мне не давали. Каждые две недели лопухи Петрушки затыкают найденную мною дыру, а я за этоставляю дополнительный счет твоему деду.

– Знаешь, К’арлинд, высказываться в подобном ключе в адрес главы Дома, которому ты служишь, – это, мне кажется, все же перебор...

Свартальв только усмехнулся:

– И ты туда же... Я свою присягу твоему деду помню дословно, даром что тридцать лет прошло, и поверь, там про уважение не было ни слова. Ты думаешь, кому твой дед обязан репутацией человека с железными нервами и непрошибаемым самоконтролем? Мне. Кто привык общаться со мной, того уже вряд ли можно вывести из себя.

Я вздохнул. Вот она, карма. Недаром говорят: посеешь ветер – пожнешь бурю.

– Я могу понять, почему дед стерпел кое-какие вольности от меня, коего считает родней и внуком, но скажи, почему он терпит такое от чужака-свартальва?

К'арлинд кивком головы указал мне на дверь и сказал:

– Если много можешь, то и позволить себе можешь многое. Я тренировал твоего деда, я тренировал его детей, я тренирую его внуков, а теперь вот и тебя. Где он еще найдет такого учителя, как я? Твоя мать, чтоб ты знал, родилась четверочкой, да и то слабой, как думаешь, кто сделал ее шестым универсальным уровнем?

Я остановился в двери и взглянул на него.

– Так ты знал мою мать?

– Причем гораздо ближе, чем хотелось бы твоему отцу. Топай.

Я сразу же возненавидел его.

Мы прошли по коридору, спустились в подвал и оказались в помещении, похожем то ли на тир, то ли на бункер.

– Ладно, о могучий маг, чему ты будешь учить безнадёжного первачка? – с сарказмом спросил я.

К'арлинда это не обескуражило.

– Просто между прочим – я не великий маг, но великий учитель. На самом деле, хоть у меня сейчас и тройка, я родился таким же бесполезным убожеством, как и ты. Первым уровнем.

Я отнесся к его словам с вполне закономерной долей скепсиса.

– Во-первых, у тебя, значит, был дикий потенциал. Во-вторых, путем упорных тренировок возможно подняться в лучшем случае на один уровень, на два – это если изначально быть почти двойкой, тогда реально кое-как дотянуться до тройки. Исключения единичны, а тут, если верить тебе на слово, сразу два прыжка на два уровня, моя мать и ты.

К'арлинд кивнул.

– В общих чертах ты прав, но тут есть свои моменты. У вас, людей, приняты странные, с моей точки зрения, стандарты классификации. В общих чертах: вторым уровнем вы считаете того, кто может причинить магией вред, но не способен убить, третьим – того, кто может убить, четвертым – того, кто может убить одним ударом. Система несовершенна, зная критерии оценки уровней, реально получить ранг, превышающий твою фактическую силу. Именно это сделал я, этому же научил твою мать.

– То есть моя мать не была на самом деле шестым уровнем?

– Она – пятый. Дело в том, что отличить шестой уровень без сильных предрасположенностей и мастерства от пятого уровня с предрасположенностями и мастерством практически нереально. В Аквилонии принята бредовая система, которая не учитывает фактор мастерства. Причина проста: чем сильнее маг, тем с более высокого балкона он плевал на мастерство.

– А зачем ему мастерство, в самом деле? Он может рукой махнуть и целый взвод вбить по пояс в землю.

– Взвод – да. Но когда ваши лучшие боевые маги встретились сорок лет назад с нашими, Ференца из независимого королевства внезапно превратилась в провинцию Свартальфсхейма. За два дня. Еще пара войн – и мы начнем уже от Аквилонии куски отгрызать. А все потому, что ваши маги лезут из кожи вон, чтобы нарастить себе капельку силы, и полностью игнорируют мастерство. Ваша школа мастерства высоких уровней просто утрачена, и понимают толк в искусном колдовстве только те, у кого потолок низкий. Когда маг второго-третьего уровня упирается в свой предел, он начинает искать другие пути, хотя если по-хорошему, то этим путем стоило бы идти изначально.

Я закивал.

– Ладно-ладно. И что, ты покажешь мне, как за счет мастерства превратить мою технику поджигания спички в огненный шар?

К'арлинд покачал головой.

– В твоём случае незачем даже рыпаться. У тебя с силой совсем печально, но ты и сам это знаешь.

– Конечно, знаю. С семи лет, когда мне целая свора знатоков, которых отец приглашал чуть ли не каждый месяц, единогласно поставила «диагноз» слабенькой единички без малейшей капли потенциала. Просто интересно, чему ты меня можешь научить в этой ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.